

ПАРТІЯ СОЦІАЛІСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты
право свое!“

№ 57.

Викторъ Черновъ.

Марксизмъ и славянство

(Къ вопросу о внѣшней политикѣ социализма).

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Центр. Ком. Партіи Соціалистовъ-Ревлюціонеровъ, Лиговская, 34.
1917.

Марксизмъ и славянство.

(къ вопросу о внешней политикѣ социализма).

Когда, въ самомъ началѣ разразившейся надъ Европой всемирной войны, разлѣзся по швамъ социалистическій интернаціональ, и по вопросу о томъ, какъ съ нею быть и что дѣлать, въ немъ обнаружилось настоящее вавилонское смѣшеніе языковъ,—рѣзкимъ диссонансомъ среди всеобщей тревоги раздался вдругъ успокоительный голосъ Каутскаго. Какъ мудрый Бенъ-Акиба, снисходительно и поучительно заговорилъ онъ:

...все это

Новинкою считаетъ молодежь,
Новинкою,—а это все бывало,
Да, было все!

И неторопливая рѣчь Бенъ-Акибы второго интернаціонала зарисовала намъ послѣдовательный рядъ картинъ забытаго прошлаго. Что ни война—то жаркіе дебаты среди социалистовъ. Первый же, послѣ эпохи Наполеоновскихъ войнъ, европейскій вооруженный конфликтъ—Крымская кампанія—вскрываетъ зародышъ будущихъ разногласій. Казалось бы, эта война европейскаго Запада противъ Россіи Николая I должна была всѣхъ европейскіхъ социалистовъ найти единодушными. На дѣлѣ же тогда между Марксомъ и Энгельсомъ съ одной стороны, Лассалемъ съ другой, оказалась немаловажная разница по вопросу о томъ, въ комъ видѣть главнаго врага европейскаго прогресса—въ Россіи ли, какъ думалъ Марксъ, или въ Австро-Венгріи, какъ думалъ Лассаль. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1859 г., разногласіе это встало во весь ростъ, когда Наполеонъ III взялъ подъ свое покровительство войну итальянцевъ противъ чужеземнаго, австрійскаго правительства. Россія во время этой войны обѣщала Франціи моральную поддержку, чтобы удержать Пруссію и всю Германію отъ вмѣшательства въ войну въ пользу Австріи. Марксъ и Энгельсъ, видя въ союзѣ Россіи съ бонапартистской Франціей угрозу будущему единству и

цѣлости всей Германіи, выступали, какъ ярые *интервенцисты*. Лассаль же, въ противорѣчіе съ ними, былъ убѣжденнымъ нейтралитетомъ, не желая вредить итальянскому дѣлу и приглашая предоставить тормозящую дѣло нѣмецкаго единства Австрію ея собственной участи. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ разражается австро-прусская война. Наслѣдникъ Лассалевскихъ традицій, Швейцеръ, рѣшительно проповѣдуетъ „пріятіе войны“ и становится на сторону Пруссіи противъ Австріи. Напротивъ, Бебель и Либкнехтъ высказываются за „непріятіе войны“, а Энгельсъ рѣшаетъ вопросъ на третій манеръ, желая, чтобы австрійцы поколотили Пруссію. Далѣе приходитъ знаменитая франко-прусская война 1870 г. Марксъ и Энгельсъ считаютъ возможнымъ примкнуть къ поднимаемому національному движенію, а инспирируемый ими центральный Брауншвейгскій комитетъ доходитъ въ этомъ направленіи до самыхъ крайнихъ пересоловъ. Съ нимъ въ открытый конфликтъ вступаютъ Бебель и Либкнехтъ, идущіе „противъ течения“,—и Либкнехтъ одно время недалеко отъ того, чтобы эмигрировать въ Америку отъ эпидеміи всеобщаго національно-шовинистическаго угара. Наконецъ, русско-турецкая война дѣлаетъ социаль-демократію на два лагеря: туркофиловъ, среди которыхъ блещутъ имена Маркса, Энгельса, Либкнехта, Бебеля, и защитниковъ угнетенныхъ балканскихъ славянъ, среди которыхъ выдѣляются будущія свѣтила партіи—Каутскій, Бернштейнъ, Роза Люксембургъ.

„Такимъ образомъ—заключаетъ Каутскій—едва-ли можно найти хоть одну войну, которая не побуждала бы социаль-демократовъ встать въ ней на сторону того или другого изъ враждующихъ лагерей, и притомъ сдѣлать это самымъ страстнымъ образомъ; врядъ-ли можно найти хоть одну войну, которая не возбудила бы среди нихъ партійныхъ разногласій. Никому однако не приходило въ голову умотрѣть въ этомъ благоприятнаго отношенія къ войнѣ или нарушеніе заповѣди международной солидарности“¹⁾.

Итакъ, все, происходящее нынѣ,—въ порядкѣ вещей“. Повидимому, „такъ было — такъ будетъ“. Историческіе прецеденты вполнѣ оправдываютъ современную разногласицу. Выходитъ, что либо дѣла интернаціонала сейчасъ обстоятъ совсѣмъ ужъ не такъ плохо, либо наоборотъ: что они и раньше обстояли совсѣмъ не такъ хорошо, какъ могло казаться невооруженному глазу...

Но это ужъ—вопросъ субъективной оцѣнки, въ которой мы съ Каутскимъ радикально разоидемся. Пока же для насъ достаточно установить полное согласіе съ нимъ въ чисто-фактической части его утверждения. Да, современная разногласица и хаосъ есть лишь блестящее продолженіе и увѣнчаніе той разногласицы, которая царилъ въ рядахъ социалистовъ по данному вопросу изначала. А это значитъ, что современный научный социализмъ, ведущій

свою генеалогію съ Маркса и Энгельса, никогда не имѣлъ твердыхъ, безспорно установленныхъ основначалъ *соціалистической иностранной политики*. Въмѣсто твердыхъ, общепризнанныхъ критеріевъ—эмпиризмъ и субъективный произволъ; вмѣсто заранѣе начертанной линіи поведенія, вмѣсто опредѣленнаго *плана кампаніи* въ иностранныхъ дѣлахъ — сбивчивость, колебанія и либо неопредѣленность, либо страстныя и порывистыя метанія изъ стороны въ сторону.

Въ современномъ кризисѣ социализма, такимъ образомъ, доля вины падаетъ и на то *идейное наслѣдство*, которое получено вторымъ интернаціоналомъ съ его предшественниковъ и основоположниковъ. Разсмотримъ же съ этой точки зрѣнія упомянутое „идейное наслѣдство“. Едва-ли не всего характернѣе его основныя типическія черты выступаютъ въ отношеніи Маркса и Энгельса къ Россіи и славянству.

I.

Первые контуры того, что могло бы быть названо „иностранной политикой социализма“, были набросаны твердою, мастерскою рукою Маркса и Энгельса въ разгаръ революціоннаго кризиса 1848—49 годовъ, на страницахъ знаменитой „Новой Рейнской Газеты“, въ писаніяхъ которой такъ много аналогій съ русской „лѣвой прессой“ 1905 г.

Присматриваясь къ статьямъ „Новой Рейнской Газеты“, не трудно однако замѣтить одну своеобразную ихъ особенность. Авторы этихъ статей объединены одной надеждой, однимъ великимъ чаяніемъ: надеждой на то, что революція 1848 г., начавшись во многихъ странахъ, какъ революція буржуазіи, закончится, какъ революція пролетаріата. Надежда на то, что революція 1848 г. будетъ аналогіей великой французской революціи 1789 г., съ той разницей, что *та* революція была рожденіемъ буржуазнаго строя, *эта* же будетъ „муками родовъ“ строя социалистическаго. И подобно тому, какъ въ эпоху великой французской революціи противъ Франціи немедленно составилаь коалиція государствъ, въ которыхъ прочно держался старый порядокъ,—такъ и на этотъ разъ, полагали они, *внутреннія* потрясенія будутъ сопровождаться потрясеніями внѣшними: *мировой войной* между союзомъ государствъ революціонныхъ и союзомъ государствъ контръ-революціонныхъ, или, что то же, войной европейскаго Запада противъ европейскаго Востока.

Революціонная *иниціатива* въ дѣлѣ этихъ потрясеній отводилась Франціи. Непосредственно за французскимъ пролетарскимъ авангардомъ должна была выступить центральная Европа: Германія и Италія. Имъ нужно было преодолѣть въ центральной Европѣ „внутренняго врага“, главнымъ образомъ въ лицѣ прусской и австрійской династій. Внѣшнимъ врагомъ являлась Россія и тяго-

¹⁾ „Die Internationalität und der Krieg“ von K. Kautsky, Verl. Buchhandl. „Vorwärts“, Berlin, s. 21.

тѣющее къ ней славянство. Крайними, передовыми форпостами Запада против Востока должны были явиться Польша и Венгрия.

Благодаря этой концепции, пролетарская идеология 1848 г. была запечатлена чрезвычайно воинственным духом, — не менее воинственным, чѣм идеология французских якобинцев. Ее проникало бурное дуновение своеобразнаго революціоннаго шовинизма. Тогдашній социализм въ противоположность современному не боялся мировой войны и не собирался ее предупредить; напротив, онъ мечталъ объ этой войнѣ, призывалъ ее, жаждалъ вызвать. Въ войнѣ, которую онъ хотѣлъ сдѣлать своей войной, онъ готовъ былъ усматривать самый дѣйствительный и могучій „локомотивъ исторіи“.

Во Франціи война противъ коалиціи европейскихъ монархій вызвала кризисъ, провозглашеніе лозунга „отечество въ опасности“, и, во имя его спасенія, учрежденіе внутренней революціонной диктатуры, — диктатуры, которая въ процесѣ развитія военныхъ дѣйствій, по естественной логикѣ вещей, послѣдовательно переходила въ руки все болѣе и болѣе рѣшительныхъ, все болѣе и болѣе крайнихъ лѣвыхъ группъ. И для революціи 1848 г. Марксъ и Энгельсъ и ихъ сторонники ждали отъ всемірной войны той же услуги для развитія внутреннихъ партійныхъ отношеній Германіи. Война должна была произвести ликвидацію умѣренныхъ и промежуточныхъ партій. Война должна была, въ концѣ концовъ, передать власть самой рѣшительной и крайней изъ партій — партіи коммунистической, „манifestъ“ которой былъ ими только что опубликованъ.

Революціонный марксизмъ 1848 г. видѣлъ только *лицевую сторону* этой аналогіи. Она заслоняла для него ея *изнанку*. Изнанку, которая состояла, во-первыхъ, въ медленномъ, но вѣрномъ *идейномъ вырожденіи* революціи. Въ самомъ дѣлѣ, приучаясь напрягать всѣ ресурсы „тыла“ во имя интересовъ „фронта“, республика эксплуатировала національное чувство французовъ, побѣдами льстила національному тщеславію, милитаризировала психологию гражданъ и самую республиканскую идеологию, *идейно* подготавливая завоевательную эпопею наполеоновскихъ временъ. Изнанку, которая, во-вторыхъ, состояла въ фатальной внутренней логикѣ, присущей самому режиму диктатуры, какъ таковому. Въ самомъ дѣлѣ, коллективная диктатура побѣдившей революціонной партіи, путемъ выдѣленія въ ней все болѣе и болѣе крайнихъ, претендующихъ на диктатуру группъ, сама себя отрицала, исчерпывала силы революціи и такимъ образомъ подготавливала единоличную диктатуру, т. е. революціонно-демагогическій цезаризмъ.

Этого мало. Революціонный марксизмъ 1848 г. впадалъ въ другую, гораздо большую, ошибку.

Франція первой республики вела войну чуть-ли не съ цѣлой Европой. Но она могла это дѣлать только потому, что въ ней

произошелъ огромный внутренній переворотъ, встряхнувшій ее, расковавшій всѣ ея силы. Колоссальная *полнокровность* этой внутренней революціи — вотъ что, съ одной стороны, вызвало панику реакціонныхъ правительствъ Европы, образовавшихъ противъ нея коалицію, а съ другой стороны — дало Франціи силы и энтузіазмъ выдержать натискъ этой коалиціи и разбить ее. Въ иномъ положеніи была центральная Европа въ 1848 г. Когда Марксъ и Энгельсъ всѣми силами души призывали всемірную войну, которая должна была форсировать внутреннее революціонное развитіе, — они не замѣчали, что, въ сущности, переворачиваютъ аналогію вверхъ ногами.

Во Франціи *полнокровная революція* въ концѣ концовъ, не смотря на свое полнокровіе, выродилась подъ тяжкимъ бременемъ внѣшнихъ войнъ. Но до поры, до времени, *не смотря* на поглощеніе милитарными задачами, она форсировала свои революціонныя силы и шла къ стремительному полѣвѣнію, — какъ будто благодарилъ именно войнѣ. Въ центральной Европѣ 1848 г. революція съ самаго начала является *худосочной* и половинчатой. Бужуазія дѣлаетъ ее съ оглядкой, все время боясь „краснаго призрака“ едва-ли не больше, чѣмъ абсолютизма. Стихійная тяга къ національному единству Германіи съ самаго начала заходитъ въ тупикъ, созданный дуализмомъ и соперничествомъ Пруссіи и Австріи. Въ Австріи хаотическая братоубійственная грызня разныхъ національностей съ самаго начала даетъ легкую игру въ руки династіи. Такая худосочная революція не могла — ни создать противъ себя коалиціи гарантированныхъ отъ революціоннаго броженія государствъ, ни вызвать революціонный энтузіазмъ, дерзающій бросить перчатку въ лицо всему остальному, нереволуціонному міру.

Всемірная война революціонныхъ государствъ противъ контръ революціонныхъ можетъ быть лишь *слѣдствіемъ* полнокровной, успѣшной и глубокой по своему содержанию революціи въ одной части стараго міра. А между тѣмъ — иронія исторіи! — Марксъ и Энгельсъ вызвали во всемірной войнѣ, въ сущности, для того, чтобы она *искусственно создала, форсировала* застрявшій на мели внутренній переворотъ, который одинъ могъ бы явиться достаточнымъ основаніемъ всемірной войны...

Такова была своеобразная абберрація, вдохновлявшая Маркса и Энгельса той эпохи при созданіи ими своей программы внѣшней политики социализма.

Какъ бы то ни было, но тогдашней позиціи Маркса и Энгельса совершенно не пойметъ тотъ, кто съ самаго начала не уяснитъ себѣ, до какой степени всецѣло господствовали надъ ихъ умами представленія и традиціи великой французской революціи. Они жадно искали въ событіяхъ своего времени аналогіи съ великой предшественницей недоношенной революціи 48 г. И какое огромное моральное удовлетвореніе доставляла имъ малѣйшая возможность

найти въ фактическомъ матеріалѣ текущей жизни точку опоры для такой аналогіи, хотя бы для этого нужно было призвать на помощь самую смѣлую идеализацію дѣйствительности!

„Поднятіе массы, національная фабрикація оружія, выпускъ революціоннымъ правительствомъ ассигнацій, короткій судъ надъ всѣми, вставляющимъ палки въ колеса революціоннаго движенія, провозглашеніе непрерывной, перманентной революціи — коротко говоря, всё основныя черты славнаго 1793 г. находимъ мы снова въ вооруженной, организованной, воодушевленной Кошутомъ Венгріи“—читаемъ мы, напр., въ одной изъ Энгельсовскихъ статей, и тутъ же встрѣчаемся съ утвержденіемъ, что хотя бы Вѣнской революціи не хватало именно такой „революціонной организаціи, которая, такъ сказать, должна быть готова въ 24 часа подъ страхомъ гибели“¹⁾.

Не для одной Венгрии, не для одной Вѣны жаждали они именно такой ситуаціи, но и для всей революціонной Европы. Въ № „Новой Рейнской Газеты“ отъ 14 сентября они писали: „Всякое переходное государственное состояніе послѣ революціи требуетъ диктатуры, и притомъ энергической диктатуры. И съ самаго начала мы ставили въ упрекъ министру Кампаузену, что оно не выступаетъ диктаторски, что оно не разбиваетъ и не удаляетъ немедленно всѣхъ пережитковъ старыхъ учреждений; ибо пока господнѣ Кампаузенъ предавался конституціоннымъ мечтаніямъ,—побѣжденная партія усиливала свои позиціи въ администраціи и войскѣ и уже осмѣливалась то тутъ, то тамъ переходить къ открытой борьбѣ“. Но бюргерское министерство, подобное Кампаузенскому, можетъ отважиться на диктаторскій способъ дѣйствій только въ виду внѣшней опасности. Вотъ почему они и были убѣждены, что „нѣмецкое единство, какъ и нѣмецкая конституція, могутъ получиться, какъ результатъ, лишь изъ движенія, въ которомъ его приведутъ къ рѣшенію соответствующихъ вопросовъ столько же внутренніе конфликты, какъ и война съ Востокомъ“²⁾.

Здѣсь стоитъ отмѣтить, что подобный взглядъ оказался чрезвычайно живучимъ. Спустя десять лѣтъ послѣ событій 1848—9 гг., когда, во время франко-итальянской войны противъ Австріи, Пруссія и остальная Германія, казалось, готовы были вмѣшаться въ защиту Австріи, а Наполеону III-му была обеспечена поддержка императорской Россіи,—Марксъ и Энгельсъ опять считали, что такой *англиннй* кризисъ можетъ создать для нѣмецкой центральной Европы „революціонную ситуацію“ и возродить Sturm und Drang сорокъ восьмого года. „Vive la guerre — да здравствуетъ война“—писалъ тогда Энгельсъ Лассалю — „если французы и русскіе на-

падутъ на насъ одновременно, если мы будемъ въ положеніи уступающихъ,—ибо въ такомъ отчаянномъ положеніи всё партіи, отъ нынѣ господствующей вплоть до радикальной съ Цидемъ и Блюмомъ, какъ измощенные, сойдутъ со сцены, и страна во имя своего спасенія обязана будетъ, наконецъ, обратиться къ самой энергичной изъ партій“¹⁾.

И этого мало. Еще позднѣе, уже по смерти Маркса, въ эпоху подготовленія франко-русскаго союза, Энгельсъ писалъ въ одинъ изъ французскихъ социалистическихъ альманаховъ, что „обязанность нѣмецкихъ социалистовъ“ въ случаѣ войны Германіи на два фронта, будетъ—ни въ какомъ случаѣ не „предоставить пассивно перекалиться черезъ нихъ лавинѣ событій, угрожающихъ ихъ существованію“, ни въ какомъ случаѣ не „очистить безъ сопротивленія постъ, отвѣтственность за который они приняли передъ лицомъ пролетаріата всего міра“. Напротивъ, ихъ долгъ будетъ „до послѣдней крайности биться противъ Россіи и противъ всѣхъ союзниковъ, каковы бы они ни были“. Само собой разумѣется, что Энгельсъ при этомъ продолжалъ тѣшить себя революціонными перспективами, создаваемыми войной. „Война, въ которой русскіе и французы вторгнутся въ Германію, будетъ для нея войной на жизнь и смерть, въ которой она сможетъ спасти свое національное существованіе только примѣненіемъ революціонныхъ мѣропріятій“. Примѣненіе же революціонныхъ мѣропріятій въ его глазахъ было равнозначуще переходу государственной власти въ руки крайней революціонной—въ данномъ случаѣ социаль-демократической—партіи.

Итакъ, уже на склонѣ дней Энгельсъ остался вѣрнѣе упованію „мятежной юности“. Опять у него возрождались мечтанія о чѣмъ-то вроде диктатуры новыхъ героическихъ социаль-демократическихъ санюлотовъ, выдвинутой логикой войны; диктатуры, которая посредствомъ *levée en masse*, съ одной стороны, регулируваного, даже, если угодно, *деспотическаго*, использования всѣхъ матеріальныхъ ресурсовъ націи—съ другой, организуетъ борьбу съ внѣшнимъ врагомъ на манеръ войны великой революціи. Жизнь повернулась нѣсколько иначе и показала, что своего рода „революціонныя мѣропріятія“ для борьбы съ внѣшней опасностью возможны и безъ перехода власти къ революціонной партіи. Задачи, разрѣшенныя въ Венгріи 1848 г. Кошутомъ—*levée en masse* всей „вооруженной націи“, національная фабрикація оружія, превращеніе въ борющійся „фронтъ“ всего „тыла“ страны, принудительный курсъ усиленно выпускаемыхъ ассигнацій, короткій судъ надъ всѣми „неудобо-организуемыми“ элементами,—все это въ современной Германіи съ успѣхомъ осуществляло и осуществляетъ

¹⁾ „Briefe von F. Lassalle an K. Marx und F. Engels“, Nachlass. B. IV, s. 185.

²⁾ „Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und F. Lassalle“, Stuttgart, verg. Dietz, B. III, s. 233.

³⁾ „Die Deutsche Nationalversammlung“, *ibid.*, s. 93—94.

правительство Гогенцоллерновъ. Оно конфискуетъ, реквизируетъ, фиксируетъ, регулируетъ, мобилизуетъ и организуетъ все, что угодно, не оставившаяся передъ самыми энергичными мѣрами самоопытнѣшаго Kriegssozialismus, „военнаго социализма“, и оставляя принявшимъ войну социаль-демократамъ лишь гораздо болѣе простую, менѣе ответственную обязанность—литературно регистрировать „социалистическія завоеванія военнаго времени“... 1). „Quantum mutatus ab illo Nestore!“—скажетъ читатель при видѣ того, что обратилось Энгельсовское „пріятіе войны“ у его идейныхъ наслѣдниковъ. Но таковъ ужъ историческій фатумъ. И лозунгъ, энгельсовскій лозунгъ „vive la guerre!“ отъ этого звучать ничуть не менѣе громко и ничуть не менѣе воодушевленно.

Въ современной войнѣ диалектически „превратилось въ свою противоположность“ то, что я бы назвалъ *якобинскою традиціей* въ интернаціонализмъ Маркса и Энгельса. Эта якобинская традиція продиктовала лозунги „иностранной политики социализма“ не только марксизму, и, тѣмъ болѣе, не только *германскому марксизму*. Свообразный „революціонный патриотизмъ“, и даже, если угодно, *національно-революціонный шовинизмъ* якобинства былъ воспринятъ и развитъ также и во Франціи—*бланкизмомъ*. Онъ, казалось, получилъ новое воплощеніе въ опытѣ парижской коммуны. Онъ же вдохновлялъ собою и своеобразный „патриотическій анти-патриотизмъ“ Гюстава Эрве. На штутгартскомъ международномъ социалистическомъ конгрессѣ enfant terrible французской партіи выливалъ на нѣмцевъ цѣлые потоки самой убійственной проны, называя ихъ мѣщанами, не смѣющими ничѣмъ, кромѣ фразъ и резолюцій, бороться противъ опасности войны; онъ пред-рекалъ имъ, что они, въ концѣ концовъ, безъ малѣйшаго сопротивления пойдутъ подъ знаменами кайзера, чтобы внести въ предѣлы Франціи огонь и мечъ; но онъ обѣщалъ имъ, что тамъ они встрѣтятся на каждомъ шагѣ съ „революціонными коммунари“, которыя поднимутъ всю націю на борьбу à outrance, непримиримо-революціонными средствами, противъ внѣшняго насильника, превративъ эту борьбу одновременно въ борьбу противъ всякаго насилія вообще, въ борьбу подъ знаменемъ красной социальной республики...

„Революціонныя коммуны“ Гюстава Эрве улетучились такъ же безслѣдно, какъ и социаль-демократическіе санкюлоты Фридриха Энгельса. „Облетѣли цвѣты, догорѣли огни“ всёхъ этихъ благочестивыхъ революціонныхъ иллюзій. Пріятіе войны во имя революціи и посредствомъ внутренней революціи превратилось въ гораздо болѣе реальное и прозаическое „пріятіе войны“, какъ она есть, подъ руководствомъ и подъ знаменами наличныхъ, до войны

1) „Die sozialistischen Errungenschaften der Kriegeszeit“ — заглавіе известной брошюры Гуго Гейсмана.

сложившихся правительствъ, воплощеній обличаемаго социализмомъ классоваго господства.

„Quantum mutatus ab illo Nestore!“ Какъ выпѣли „Гекторы“ 98 и 48 годовъ!

II

Идейный наслѣдникъ якобинства, бланкизмъ, представлялъ собою попытку сочетанія, синтеза двухъ началъ: революціонности и патриотизма. Именно въ этомъ синтезѣ и состоитъ своеобразный „идейный паеосъ“ известнаго сочиненія Огюста Бланки „La Patrie en danger“. Синтезъ этотъ, однако, иллюзоренъ. Въ лицѣ Бланки революція воображаетъ, что овладѣла патриотизмомъ и поставила его къ себѣ на службу, превратила въ свое служебное орудіе. Но національное чувство, патриотизмъ оказывается гораздо болѣе исконной, первичной стихіей, чѣмъ гораздо болѣе сложная и гораздо болѣе поздняя гостья исторіи—революціонная страсть. Первая изъ этихъ стихій можетъ временами какъ бы дремать и не ощущать собственнаго бытія; но она „не ощущается“ почти такъ же, какъ „не ощущается“ сдѣлавшееся слишкомъ привычнымъ, „механизировавшееся“ у человѣка дыханіе, передвижаніе ногами при ходьбѣ и т. п. Вторая же этихъ достоиніе не повседневныхъ будней, а лишь шумныхъ и яркихъ *праздниковъ* исторіи. Она слишкомъ часто создаетъ „рыцарей на часъ“, тогда какъ національная стихія выплывается своими „нежелающими когтями“ во всю психику человѣка и направляетъ ее изъ-за кулисъ* ея собственнаго сознанія—тѣмъ сильнѣе и тѣмъ безконтрольнѣе.

Вотъ почему попытка революціи „овладѣть“ стихіей національнаго чувства до такой степени напоминаетъ известный народный анекдотъ. „Медвѣдя поймали!“—„Ну, такъ тащи его сюда!“—„Да онъ не идетъ, упирается!“—„Ну, такъ самъ иди!“—„Да онъ не пускаетъ“...

Эта исторія, разыгравшаяся на нашихъ глазахъ съ *эпигонами* революціоннаго марксизма, не пощадила въ свое время и его первоучителей. Понстинѣ, плохую шутку сыграла она съ ихъ интернаціонализмомъ.

Сначала какъ будто съ революціонными принципами все обстоитъ благополучно. *Революціонный шовинизмъ* Маркса и Энгельса не имѣетъ ничего общаго съ *націонализмомъ*, съ шовинизмомъ *нѣмецкимъ*. Онъ направляется своимъ остриемъ противъ реакціонныхъ членовъ *нѣмецкой* семьи такъ же дерзко и охотно, какъ противъ государствъ ино-національныхъ. И союзниковъ онъ себѣ ищетъ тоже одинаково въ нѣмецкой, какъ и въ не-нѣмецкой семьяхъ народовъ. Какъ граждане идеальнаго, еще не осуществленнаго „германскаго отечества“, Марксъ и Энгельсъ „здѣ града не имутъ, но грядущаго взыскуютъ“ и не приковываются рабски къ интересамъ ни одного изъ конкретно существовавшихъ въ тѣ пору

„тридцати шести германских отечеств“. Недаромъ такой право-
вѣрный лѣвый марксистъ-ортодоксъ, какъ Францъ Мерингъ, назы-
ваетъ ихъ Grossdeutsche im revolutionären Sinne, „революционными
велико-германцами“.

Они, дѣйствительно, разсуждаютъ какъ революціонные велико-
германцы, какъ граждане будущей Великой Германіи. „Если прус-
саки заключать союзъ съ русскими, мы, нѣмцы, соединимся съ
французами и въ союзѣ съ ними поведемъ войну Запада противъ
Востока, цивилизаціи противъ варварства, республики противъ
автократіи!“ „Мы хотимъ единства Германіи; но элементы этого
единства могутъ быть выдѣлены лишь изъ раздробленія великихъ
нѣмецкихъ монархій. И выкованы они могутъ быть лишь въ
революціонной и военной бурѣ!“¹⁾

Однако эта война „Запада“ противъ „Востока“, „цивилизациі“
противъ „варварства“, „республики“ противъ „автократіи“—не-
долго остается борьбой отвлеченныхъ началъ противъ отвлечен-
ныхъ началъ. Ихъ носителями, ихъ конкретными воплощеніями
являются націи. Правда, разумомъ можно отдѣлать въ современ-
ныхъ націяхъ *правительства отъ народовъ*. И, дѣйствительно
Марксъ и Энгельсъ вначалѣ особенно налегаютъ—согласно тѣмъ
же традиціямъ великой французской революціи—на это различіе.
„Да,—говорятъ они—освобожденіе европейскаго человѣчества въ
настоящій моментъ терпѣт приостановку: на границахъ Россіи
революцію постигаетъ застой. Но изъ этого слѣдуетъ лишь, что
славянскій освободительный вопросъ есть жизненный вопросъ всей
революціи. Уничтоженіе деспотизма въ Польшѣ и Россіи, какъ и
у всѣхъ остальныхъ славянскихъ племенъ, будетъ уничтоженіемъ
его нашествія на Европу, и только такимъ образомъ можетъ быть
обезпечена и свобода Германіи. Мы будемъ развиты нашей реак-
ціей и ея грубой силой, если удастся заговоръ нашихъ внутрен-
нихъ враговъ съ русскимъ военнымъ деспотизмомъ. И вотъ по-
чему мы хотимъ священнаго союза народовъ. Мы идемъ рука объ
руку съ французами, съ итальянцами, со славянскими демократами;
одновременно съ возрожденіемъ Германіи мы хотимъ возрожденія
Италіи и Польши; французская республика протягиваетъ намъ
руку—и мы принимаемъ ее“. Но вотъ позиція эта, простая и лег-
кая въ принципѣ, стѣсняется въ непреодолимыми пока трудно-
стями практическаго выполненія. Нѣкоторые изъ „народовъ“, ко-
торымъ предлагается „священный союзъ“ противъ правительства,
остаются глухи къ этому призыву. И „двѣ души“—идеалистиче-
ская и реалистическая,—живущія „въ груди“ марксизма“, немед-
ленно вступаютъ въ глухую борьбу. И если Марксъ такъ охотно
бывалъ, особенно въ медовомъ мѣсяцѣ революціи, рупоромъ идеа-
листической души, то послѣ „перевала“, послѣ смѣны „восходя-

¹⁾ „Nationale Revolutionen“, Nachlass, B. III, s. 112.

щей линіи“ революціи „линіей нисходящей“—Фридрихъ Энгельсъ
съ еще большей охотой и рѣшительностью является рупоромъ
реалистической души, познавшей горечь разочарованій и рѣшив-
шей глядѣть прямо въ глаза суровой дѣйствительности и позамы-
ствоваться отъ нея суровостью и безпощадностью.

„Горестный опытъ научилъ насъ,—писалъ Энгельсъ—что
„европейское братство народовъ“ не осуществляется ни голыми
фразами, ни благими пожеланіями, но только основательными ре-
волюціями и кровавыми войнами; что дѣло идетъ не о братствѣ
всѣхъ европейскихъ народовъ подъ однимъ республиканскимъ
знаменемъ, а о союзѣ революціонныхъ народовъ противъ контр-
революціонныхъ,—союзѣ, который осуществляется не на бумагѣ,
а на поляхъ сраженій“¹⁾.

Поумѣявшие подъ влияніемъ „горестнаго опыта“, „духомъ
ожелезившіеся“ революціонные велико-германцы не хотятъ болѣе
„fraternisieren ins Blaue hinein“, имъ опротивѣло заоблачное бра-
танье народовъ, они готовы зачислить нѣкоторые народы дѣли-
комъ въ носители контр-революціи и проповѣдывать ненависть
къ нимъ, мечь имъ, ихъ преслѣдованіе, наказаніе, даже иногда—
уничтоженіе.

Подъ знакомъ этихъ настроеній въ идеологию Маркса и
Энгельса прокрадывается и тотъ элементъ, который впоследствии
былъ окрещенъ Лассалемъ рѣзкимъ проявленіемъ ихъ „руссоманіи“.

Эта „руссоманія“ средни той „тевтономаніи“, которая въ свое
время овладѣла Герценомъ. Этотъ послѣдній склоненъ былъ сво-
дить къ „нѣмецкой бюрократической выучкѣ“, къ тлетворному
влиянію нѣмецкой государственной культуры, къ заразѣ, идущей
отъ „внутреннихъ нѣмцевъ“, Бироновъ, Клейнмихелей и т. п.—
немного не всѣ безобразія стараго русскаго режима. Герцена
столько учили въ недостаткѣ русскаго патриотизма, и онъ самъ
съ такимъ гордымъ вызывающимъ видомъ шелъ на встрѣчу этимъ
обвиненіямъ, предпочитая потерпѣть политическое крушеніе, чѣмъ
свернуть свое знамя подъ напоромъ шовинистскаго повѣтрія,—что
ему должна была быть двойной патриотической отградой возмож-
ность свалить на *внѣшнія* влияния все то въ Россіи, что заставляло
покрываться краской негодующаго стыда за родину его щеки. И
та же патриотическая отграда побуждала Маркса и Энгельса въ
48 году объяснять худшіе подвиги многихъ изъ нѣмецкихъ оте-
чествъ тѣмъ реакціоннымъ влияніемъ, которое имѣлъ на нихъ
„русскій колоссъ“, не такъ давно повалившій Наполеона I и во-
главѣ Священнаго союза государей возстановившій повсюду „миръ,
порядокъ и легитимизмъ“. И подобно тому, какъ у насъ нынѣ
многіе мечтаютъ, что „борьба съ тевтонами“ будетъ „очищаю-

¹⁾ „Der demokratische Panславismus“, *ibid.*, s. 246—247.
Ноябрь. Оздѣль I

щимъ огнемъ“ въ которомъ горитъ наше „внутреннее тевтонство“,—такъ Марксъ и Энгельсъ въ 48 году ждали тѣхъ же результатовъ отъ возстанія „германской“ стихіи противъ „русскаго за-силья“ въ политикѣ...

„Только война съ Россіей есть настоящая война революціонной Германіи,—читаемъ мы въ „Новой Рейнской Газетѣ“—война, въ которой ея смываются грѣхи прошлаго, въ которой она можетъ побѣдить собственныхъ автократовъ, въ которой она, какъ и принадлежитъ народу, стряхивающему цѣпи долгаго, вялаго рабства, покупаетъ кровью дѣтей своихъ право на распространіе цивилизаціи и освобождается внутри постольку, поскольку дѣйствуетъ освободительно—во внѣ!“¹⁾

„Что такое война съ Россіей? Война съ Россіей—это полный, открытый и дѣйствительный разрывъ со всѣмъ нашимъ позорнымъ прошлымъ; подлинное освобожденіе и объединеніе Германіи, установленіе демократіи на развалинахъ феодализма и краткаго буржуазнаго совѣдѣнія о господствѣ и власти. Война съ Россіей была единственно возможнымъ путемъ спасти нашу честь и наши интересы передъ лицомъ нашихъ славянскихъ сосѣдей, въ особенности передъ лицомъ Польша!“²⁾

Мечта о революціонномъ вліяніи войны съ Россіей достигаетъ, наконецъ, такой напряженности, что становится фанатической вѣрой: „увѣренностью въ невидимомъ, какъ въ видимомъ, въ чаемомъ и ожидаемомъ, какъ въ настоящемъ“. И Марксъ уже восклицаетъ, „Война съ Россіей! Война, которая—какъ это знаетъ всякій—была бы крушеніемъ нѣмецкой и французской буржуазіи!“³⁾

И, наконецъ, подъ перомъ Энгельса эти марксовскія положенія достигаютъ максимальной обостренности. Такой обостренности, что „революціонный шовинизмъ“ у него уже начинаетъ граничить съ національнымъ, вырождаясь въ страстную руссофобію и славянофобію.

„На сентиментальныя фразы о братствѣ народовъ, съ которыми обращаются къ намъ отъ имени контръ-революціонныхъ національностей Европы, мы отвѣчаемъ—что ненависть къ русскимъ (der Russenhass) была понимъ и является у нѣмцевъ ихъ первою революціонною страстью!“⁴⁾

Странно звучитъ въ устахъ революціоннаго социалиста это возведеніе ненависти къ цѣлому народу на пьедесталъ первѣйшей революціонной добродѣтели. Слишкомъ ясно, что революція, пожелавшая сдѣлать своимъ служебнымъ орудіемъ стихію националь-

наго чувства, незамѣтно сама для себя сдѣлалась, наоборотъ, ея бессознательнымъ орудіемъ...

Въ этомъ—типичная черта перешедшей въ социализмъ по слѣдству отъ буржуазныхъ революціонеровъ *якобинской традиціи*. Она является прародительницей „освободительной миеологии“, въ пышныхъ одѣяніяхъ которой любятъ ридиться *всякая* война, какую бы роль въ ней ни играли пережитыя зоологическаго націонализма и то своекорыстное стяжательство, которому одинъ итальянскій государственнй дѣятель недавно далъ болѣе благозвучное имя „священнаго національнаго эгоизма“. Якобинская традиція, даже когда она не только въ своемъ сознаниі, но и въ дѣйствительности чужда всякихъ постороннихъ примѣсей, когда она и субъективно, и объективно безкорыстна, таитъ въ себѣ огромную опасность. Она чревата внутренне-ложной идеей о возможности внести въ другую страну свободу на остріяхъ штыковъ чужеземныхъ армій. Это, по своимъ слѣдствіямъ, идея не революціонная, а—я позволю себѣ такъ выразиться—типически *бонапартистская*.

III.

„Энгельсъ позднѣе говорилъ о „Новой Рейнской Газетѣ“, что ея иностранная политика была *крайне проста*“,—говоритъ Мерингъ въ своихъ обширныхъ историческихъ прописяхъ къ „историческому наслѣдству“ Маркса и Энгельса. Вотъ собственные слова Энгельса, характеризующія эту „крайнюю простоту“:

„Выступленіе за всякій революціонный народъ; прызвъ ко всеобщей войнѣ революціонной Европы противъ великой задержки европейской революціи въ лицѣ Россіи. Съ 24 февраля намъ уже было ясно, что революція имѣетъ *только одного* дѣйствительно страшнаго врага—Россію, и что этотъ врагъ тѣмъ сильнѣе вынуждается къ вмѣшательству въ борьбу, чѣмъ болѣе и болѣе начинается движеніе приобрѣтать европейскіе размѣры... Еслибы удалось втянуть Германію въ войну съ Россіей, то съ Габсбургами и Гогенцоллернами дѣло было бы покончено и революція побѣдила по всей линіи“.

Но эта „иностранная политика“ была не только „проста“. Она была *упрощена*. Это была политика людей, умственный и политическій взоръ которыхъ былъ совершенно загнипотизированъ „русскою опасностью“. Мудрено теперь въ серьезъ поддерживать мысль, будто революція 1848 года имѣла „только одного“ дѣйствительно страшнаго врага и будто врагъ этотъ былъ всецѣло врагъ, для нея *оптимальный*. Въ Парижѣ, въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ контръ-революція уже побѣдила домашними средствами, и только для подавленія Венгріи потребовались силы „русскаго военнаго деспотизма“. Но венгерское возстаніе было не прологомъ, а эпилогомъ

¹⁾ „Nat. Revolutionen“, *ibid.*, с. 114.

²⁾ „Die Polendebatte in Frankfurt“, *ibid.*, с. 150—151.

³⁾ *Ibid.*, с. 263—264.

⁴⁾ *Ibid.* „Panславизмъ“, с. 263—264.

революционныхъ событій, „послѣднею тучей разсѣянной бури“. И вся эта вѣра въ спасительное дѣйствіе всемірной войны, все это магическое „еслибы“ утопающаго, хватающагося за соломинку—*стянемъ* Германію въ войну противъ „Востока“, а все прочее приложится—является, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ революціонно-милитарной *миологіей*.

Въ томъ-то и бѣда, что между революціей 1789 г. и революціей 1848 г. разница гораздо глубже и менѣ случайна. Революція 1789 г. была полнокровной революціей „третьяго сословія“. Революція же 1848 г. отнюдь не была, по своему объективному смыслу, столь же полнокровной революціей „четвертаго сословія“—вѣрнѣе, не сословія, а новаго *класса*, пролетаріата. Пролетаріатъ—и въ особенности пролетаріатъ центральной Европы—былъ еще, въ массѣ своей, идейно несложившимся и „маломочнымъ“. Его социалистическій авангардъ былъ крайне малочисленъ. Лучшая его часть, въ лицѣ хотя бы группы „Новой Рейнской Газеты“, была блестящей „штабомъ безъ арміи“. Въ рядахъ самихъ передовыхъ дѣятелей социализма, за малыми исключеніями, господствовали сумбуръ понятій, идейныя шатанія и недодуманность.

Объективный смыслъ революціи 1848 г. да дали едва-ли не въ самой большой степени различныя движенія *неклассоваго* характера—движенія *національныя*. Затѣмъ—„полуреволюція“ противъ власти къ власти, но уже проученной „краснымъ призракомъ“ и заранѣе готовой на компромиссы съ абсолютизмомъ, буржуазіи. И, наконецъ, стихійное стремленіе *крестьянства* центральной Европы покончить съ остатками старо-феодалныхъ аграрныхъ отношеній. Всѣ три этихъ движенія въ большей или меньшей мѣрѣ *достигли своего*, и потому революція 48 года была *ихъ* революціей. Наоборотъ, попытки поднять чисто-пролетарское знамя были, по отношенію къ общему ходу событій, настолько слабыми, спорадическими и локализованными, что судьба ихъ въ ходѣ революціи 48 года можетъ быть кратко выражена известными словами поэта:

И на смерть обречены
Слишкомъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны.

Какъ извѣстно, Марксъ и Энгельсъ сами же первые, и притомъ очень скоро, поняли, что въ своихъ построеніяхъ переоцѣнили темпъ европейскаго развитія и сдѣлались жертвами своего, естественнаго въ разгаръ событій, революціоннаго оптимизма. Но, не смотря на это, они же своимъ примѣромъ показали, что одно дѣло—нѣчто понять головою и внести поправки въ свою идеологию, и другое дѣло—соотвѣтственно перестроить всю свою *психологию*. Долго, безконечно долго они *ощутили* пережитыя ими революціонныя событія не какъ слишкомъ естественную по соотношенію

силъ трагедію тогда еще безсильной рабочей демократіи, а какъ результатъ историческаго преступленія какой-то вѣншей для революціи силы, преступленія, вызывающаго объ отмщеніи и карѣ. Тѣмъ болѣе естественна была у нихъ эта психологія въ моментъ, когда еще не потускнѣла пролитая въ революціи кровь и не остыли разбуженные ею страсти.

Винновникомъ и подсудимымъ они сдѣлали не только Россію, но и все—въ ихъ представленіи неудержимо тяготѣвшее къ ней—*славянство*. Юго-славяне Австріи, а вмѣстѣ съ ними, съ известными оговорками, и чехо-моравы—вотъ кто, въ первую голову, подходить подъ карающій мечъ революціонной Немезиды.

Конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Габсбургскій абсолютизмъ сумѣлъ сдѣлать славянское движеніе—если не *дѣйкомъ*, то въ значительной части—слѣпымъ орудіемъ реакціи. Но Марксъ и Энгельсъ пошли гораздо дальше констатированія этого безспорнаго факта. Они въ своемъ представленіи безмѣрно утрировали этотъ фактъ; они постулировали качественное различіе между славянствомъ Австріи (за исключеніемъ поляковъ) и нѣмецко-мадьярскимъ элементомъ; они вырыли между ними принципиальную пропасть, объявивъ однихъ—столь же безусловными носителями реакціи, какъ другихъ—безусловными носителями революціи.

„Спорящіе раздѣлились на два большихъ враждебныхъ лагеря: на одной сторонѣ—*революція* нѣмцевъ, поляковъ и мадьяръ; на другой сторонѣ—*контръ-революція* остальныхъ народностей, всѣхъ славянъ (за вычетомъ поляковъ), румынъ и седемградскихъ савсовъ.“

„Откуда происходитъ это раздѣленіе націй, какіе факты лежатъ въ его основѣ?“

„Раздѣленіе это соотвѣтствуетъ всей предыдущей исторіи племенъ, о которыхъ идетъ вопросъ. Оно—исходный пунктъ рѣшенія вопроса о жизни и смерти всѣхъ этихъ большихъ и малыхъ національностей.“

„Вся прежняя исторія Австріи, вплоть до настоящаго дня, это доказываетъ, а событія 1848 г. это подтвердили. Между всѣми народами и мелкими народностями Австріи только три являлись носителями прогресса, активно вмѣшивались въ исторію и сохранили донныи свою жизнеспособность: это нѣмцы, поляки и мадьяры. Поэтому и теперь они революціонны.“

„Всѣ остальные большіе и малые племена и народы имѣютъ, въ качествѣ своей ближайшей миссіи,—*уничтожиться въ мировой революціонной бурѣ*. И потому теперь они контръ-революціонны“¹⁾.

Смертный приговоръ, произнесенный Энгельсомъ надъ юго-сла-

¹⁾ „Ungarn“, *ibid.*, а. 236.

вянами и чехами, был кассирован историей. Но характерно, что даже такие вдумчивые марксисты, как Меринг, безотговорочно признавший, что „нынѣ никто не сможет так огульно произнести приговоръ надъ будущимъ южно-славянскихъ народовъ, какъ это дѣлала Новая Рейнская Газета“¹⁾—даже они не выходятъ вполнѣ изъ-подъ власти все той же абсолютной схемы, устанавливающей „рѣзкую противоположность, образовавшуюся осенью 1848 года между революционными нѣмцами и венграми съ одной стороны, реакционными славянами—съ другой“²⁾.

На дѣлѣ противоположность эта была далеко не столь рѣзкой. Въ самомъ дѣлѣ—не славянская ли Прага фигурировала наряду съ Вѣной, какъ застрѣльщица инсurreкціоннаго движенія? Не она ли первая пала жертвой бомбардировки бездарнаго полководца, но безпощаднаго усмирителя—князя Виндишгреца?

Но—говорятъ намъ—пражское возстаніе было проникнуто узко-національнымъ чешскимъ духомъ и рѣзко антинѣмецкими и анти-венгерскими тенденціями! Пусть такъ. Но вотъ,—чтобы не цитировать никого, кромѣ правовѣрныхъ марксистовъ,—позднѣйшее свидѣтельство Вильгельма Блоса о венгерской революціи: „Мадьяры въ ту пору подвержены были той фантазіи, будто именно они призваны подчинить себѣ другія національности и стать господствующимъ элементомъ всей Австрійской монархіи; не смотря на всѣ свои политическіе таланты, Кошутъ тоже былъ сторонникомъ этой утопіи, толкнувшей венгровъ на путь узкой своекорыстной политики и приведшей ихъ къ поражению вмѣстѣ съ нѣмцами“³⁾. И однако, не смотря на это, венгерское движеніе признается революціоннымъ. Почему же мѣрятъ другимъ аршиномъ чешское движеніе? И не говорить ли въ его пользу хотя бы то, что оно, при всей свойственной націонализму узости, по крайней мѣрѣ, не переходило за рамки оборонительнаго націонализма и было чуждо претензій венгерскаго агрессивнаго націонализма?

Но намъ указываютъ на то, что, напр., „многие участники славянскаго пражскаго конгресса проявляли явно реакціонныя тѣготнѣя“ (Мерингъ, I с., s. 13). Вѣрно. Но признанное революціоннымъ венгерское движеніе—развѣ оно не заключало въ себѣ элементовъ антидемократическихъ? Тотъ же самый Мерингъ долженъ былъ признать, что „Новая Рейнская Газета“ судила о венгерскомъ движеніи „благопріятнѣе, чѣмъ это нынѣ допустимо передъ лицомъ исторической критики“. Тотъ же самый Мерингъ долженъ констатировать преобладающую роль въ венгерскомъ возстаніи мелкаго дворянства, которое „отноудъ не имѣло въ виду

дѣлиться тѣмъ господствомъ, котораго оно домогалось, съ горожанами и крестьянствомъ“⁴⁾. Зачѣмъ же и здѣсь два разныхъ аршина—одинъ для венгровъ, другой для чеховъ?

Но Мерингъ всячески доказываетъ намъ, что пражскій славянский конгрессъ „по своему происхожденію и тенденціямъ отноудъ не былъ революціоннымъ собраніемъ; скорѣе можно было назвать его реакціоннымъ, поскольку онъ остріемъ своимъ обращался противъ революціонныхъ элементовъ австрійскаго хаоса народности,—нѣмцевъ и венгровъ“. Здѣсь все тотъ же „порочный кругъ“ доказательства: нѣмцы и венгры объявляются революціонными, а потому всѣ борющіеся съ ними реакціонными, и наоборотъ: борьба противъ „реакціонныхъ“ славянъ уже тѣмъ самымъ даетъ патентъ на революціонность. Однако при свѣтѣ исторической критики картина получается не совсемъ такова. Тотъ же Вильгельмъ Блосъ долженъ былъ признать, что „у чеховъ наряду съ національнымъ фанатизмомъ было много демократическаго радикализма“, и констатировать, что „пылкая жизнѣдѣтельная молодежь Праги, изъ среды крупной и мелкой буржуазіи, главнымъ образомъ студенчество, страшно негодовала на нѣмецкихъ филистеровъ, организованныхъ въ Прагѣ въ союзъ для защиты закона и порядка“⁵⁾. Своеобразная иллюстрація революціонности нѣмцевъ и реакціонности славянства! Но, можетъ быть, богемскіе нѣмцы, сосѣди и конкуренты чеховъ, были печальнымъ исключеніемъ среди нѣмцевъ Австріи? Однако вотъ что пишетъ Максимилианъ Бахъ, самъ нѣмецъ, историкъ марксистской школы: „Отношеніе нѣмцевъ къ пражскимъ событіямъ было характерно для ихъ политической незрѣлости: они любовали. Они думали, что Виндишгрецъ изъ любви къ нѣмцамъ бомбардировалъ Прагу. Нѣмецкіе союзы засыпали Виндишгреца выраженіями довѣрія и благодарственными адресами. Культурная нѣмецкая нація въ солдатахъ наглаго юнкера видѣла, казалось, единственную опору своихъ національныхъ интересовъ“⁶⁾. Какъ видите, „культурность“ совсемъ особаго сорта! И, что всего хуже, даже демократическіе элементы нѣмецкаго населенія Австріи не составляли исключенія. Тяжкимъ политическимъ грѣхомъ нѣмцевъ-демократовъ—свидѣтельствуется тотъ же Бахъ—является то, что они и не подумали о рѣшительномъ отпорѣ грозившей военной контръ-революціи: напротивъ, во время рѣчей и запросовъ чеховъ по этому вопросу они дѣлали низкія замѣчанія вродѣ того, что ничего не слыхали о введеніи осаднаго положенія въ нѣмецкихъ частяхъ Богеміи, кричали, что пора кончить, и т. д.

1) Mehring, I с., s. 70.

2) Блосъ, тамже, стр. 257.

3) Макс. Бахъ, „Австрія въ первую половину XIX в.“, пер. Базарова и Степанова. Изд. Скирмунта, стр. 394.

4) „Die Ungarische Revolution“ въ Меринговскомъ обширномъ „Введеніи“ къ III тому „Наслѣдства“, стр. 77.

5) „Wiener Oktobertage“, тамже, стр. 55.

6) Вильгельмъ Блосъ, „Исторія германской революціи 1848 г.“, пер. подъ ред. Луначарскаго Спб., 1907. 259.

такимъ образомъ они внушали чехамъ убѣжденіе, что со стороны нѣмцевъ имъ нечего ждать“ 1). Комментаріи излишни!

Но вѣдь чехи впоследствии вошли въ компромиссъ съ короной противъ радикальнаго меньшинства австрійскаго парламента и противъ венгровъ! Да,—послѣ того, какъ дѣяна чешская демократія, при аллодисментахъ нѣмцевъ, была разгромлена реакціей, и послѣ того, какъ нѣмецкая демократія „внушила чехамъ убѣжденіе, что отъ нѣмцевъ имъ нечего ждать“. Да, послѣ этого чехи окончательно свернули на путь узкой, безпринципной союзкорыстно-національной политики. Нѣмцы предали ихъ революцію—они имъ отплатили тѣмъ, что предали революцію нѣмецкую... Почему же одни лучше другихъ? „Оба хуже!“

Но чехи все время враждебно выступали противъ венгерскаго движенія! И еще болѣе, чѣмъ чехи, виноваты юго-славяне, пошедшіе подъ знаменами продажнаго авантюриста, карьериста и придворно-военнаго заговорщика Теллачича усмирять „мятежныхъ мадьяръ“ и восстанавливать прерогативы династіи въ Венгріи! Совершенно вѣрно. Однакоже не свидѣтельствуетъ ли самъ Вильгельмъ Блосъ, что „своими градіозными размѣрами южно-славянское движеніе обязано было надменности венгровъ, которые безъ дальнихъ словъ отвергали всѣ требованія южныхъ славянъ“ 2). И не говоритъ ли Максимилианъ Бахъ о „небезосновательныхъ подозрѣніяхъ по отношенію къ венгерскому шовинизму“, привитыхъ южнымъ славянамъ жизнью? А затѣмъ, этотъ историческій грѣхъ югославянства ставитъ ли его ниже тѣхъ же самыхъ венгровъ, которые, въ разгаръ своего движенія, были не прочь, хорошо поторговавшись съ Габсбургами, послужить австрійской династіи противъ „мятежныхъ итальянцевъ“? У Меринга мы по этому поводу читаемъ, что новый венгерскій національный сеймъ „дебютировалъ невѣроятной глупостью—предоставивъ въ распоряженіе вѣнской камарилы венгерскія вооруженныя силы для подавленія итальянской революціи, въ безсмысленной надеждѣ, что въ обменъ за эту любезность изъ Вѣны будетъ подавлено начавшееся подъ предводительствомъ бана Теллачича славянское возстаніе. Даже Кошутъ оказался достаточно слабъ, чтобы допустить этотъ безчестный торгъ: онъ заявилъ, что свои личныя симпатіи къ итальянскимъ борцамъ за свободу онъ долженъ подчинить своимъ служебнымъ обязанностямъ... Большинствомъ 236 голосовъ противъ 33 венгерскій національный сеймъ рѣшилъ оказать военную поддержку противъ итальянской революціи“ 3). Или, какъ излагаетъ тотъ же эпизодъ В. Блосъ: „При этомъ ясно обнаружилась двойственная политика мадьяръ. Баттіани и Деакъ потребовали, чтобы

Венгрія поддержала деньгами и людьми борьбу австрійцевъ въ Италіи. Кошутъ, который неоднократно такъ явно показывалъ своей восторгъ по поводу побѣды Италіи, началъ колебаться и наконецъ, тоже поддержалъ это продолженіе. Рѣшили поддержать Австрію не противъ Италіи, а противъ Карла-Альберта,—уловка, которою, однако, никого не удалось провести“ 1). А вѣдь венгры не имѣли за себя даже того смягчающаго обстоятельства, которое было у юго-славянъ,—они не имѣли повода жаловаться на итальянцевъ, имъ не приходило защищаться отъ нихъ.

Такъ поступали въ этомъ вопросѣ „революціонные венгры“. А не мало ли реакціонные нѣмцы? Еще проще. „Австрійскіе нѣмцы, призывавшіе къ объединенію Германіи, не хотѣли признать свободы итальянскихъ провинцій и не понимали, какъ итальянцы могли быть настолько неблагодарны, что хотятъ отпасть отъ славной Австріи“ 2).

Комментаріи и здѣсь совершенно излишни.

IV.

Спрашивается: чѣмъ же объяснить, что Марксъ и Энгельсъ,—а за ними и многие ихъ ученики, до такой степени разными мѣрами мѣрили движеніе юго-славянъ сравнительно съ движеніемъ венгерскимъ и австро-нѣмецкимъ?

Именно тѣмъ, что весь смыслъ движенія 1848 г. въ центральной Европѣ имъ представлялся совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ и совсѣмъ другимъ, чѣмъ онъ былъ объективно.

Движеніе это для центральной Европы, начиная отъ Шлезвигъ-Гольштейна, черезъ Германію и Австрію, вплоть до ея итальянскихъ владѣній, было *національно-демократическимъ*. Марксъ и Энгельсъ сами, безъ вѣдома собственнаго сознанія, были однимъ изъ орудій этого буржуазно-демократическаго націонализма, когда требовали въ „Новой Рейнской Газетѣ“ объявленія войны Даніи изъ-за Голштиніи и Шлезвига. Безъ вѣдома собственнаго сознанія, сказали мы. Въ самомъ дѣлѣ, сами они мотивировали для себя эту проповѣдь войны тѣмъ, что за Даніей стоятъ Англія и Россія, двѣ главныя реакціонныя силы эпохи, съ которыми революція должна „сосчитаться“. Россія,—какъ государство абсолютистское, Англія,—какъ страна, стремящаяся превратить всѣ другія націи въ своихъ данницъ, поставить ихъ на пролетарское положеніе по отношенію къ своему національному капиталу. Они надѣялись, что пораженіе Англіи во всемірной войнѣ прекратитъ ея монопольное положеніе на всемірномъ рынкѣ, произведетъ въ ней экономическій кризисъ и передастъ власть въ руки чартистовъ, послѣ чего торжество

1) Бахъ, тамже, стр. 436

2) Блосъ, тамже, стр. 259.

3) Mehring, *ibid.*, s. 72

1) Блосъ, тамже, стр. 269—270.

2) Бахъ, тамже, стр. 356.

соціальної революції во всій Європі́ буде́ть обезпечено. И, обольща́я себѣ́ тѣ́мъ, что въ шлезвиг-голштинскомъ вопро́сѣ́ они содѣ́йствуютъ наступленію всемі́рної войны, и, какъ ея послѣ́дствія́, всемі́рної соціально́й революці́и,—Марксъ и Энгельсъ объективно содѣ́йствовали лишь стихі́и нѣ́мецкаго стремленія́ къ національному единству, въ данномъ конкретномъ случа́ѣ́ подкрѣ́пленной интересами нѣ́мецкой буржуазі́и получить выго́дную приморскую позиці́ю по двумъ сторонамъ Ютландскаго полуострова.

Этому національно-демократическому дви́женію Марксъ и Энгельсъ, какъ лидеры начинающа́гося пролетарско-соціалистическаго дви́женія, тщетно надѣ́лялись и пытались подосунуть каче́ственно иные лозунги, лозунги будущаго. Нѣ́мецкое дви́женіе въ Австрі́и, вѣ́нская революці́я, которую въ критическое для нея время спасалъ пролетариатъ въ союзѣ́ съ академической молоде́жью, *потенціально* для нихъ уже являлись зароды́шемъ борьбы за диктатуру пролетариата. Венгерское дви́женіе, правда, было чуждо́ малѣ́йшаго намека на пролетарски-соціальную програ́му; но оно было союзникомъ вѣ́нской революці́и и такимъ образомъ сѣ́тило для Маркса и Энгельса если не собственнымъ пролетарско-соціальнымъ свѣ́томъ, то отраженнымъ австро-нѣ́мецкимъ.

Наоборотъ, славянское дви́женіе столкнулось враждебно и съ нѣ́мецкимъ, и съ венгерскимъ; пролетариатъ въ этомъ дви́женіи былъ совершенно не при чемъ; главная масса славянства была земледѣ́льческою массо́й. Въ глазахъ Маркса и Энгельса это дви́женіе было, такимъ образомъ, чѣ́мъ-то чужимъ и постороннимъ по отношенію къ общему смыслу событі́й 1848 г. Въ немъ они усмотрѣ́ли неумѣ́стный націонализмъ, спутывающій карты всего дви́женія.

Не надо забывать, что въ это время Марксъ и Энгельсъ учи́тывали удѣ́льный вѣ́сь и роль національнаго начала въ эволюці́и Европы совершенно иначе, чѣ́мъ впоследствии это дѣ́лали и сами они, и ихъ ученики. Такъ, напр., для Максимилиана Баха „национа́льная идея, какъ она представляется намъ въ своей типической формѣ́, есть побочный идеологическій продуктъ буржуазнаго развитія́ и принадлежитъ къ самому прекрасному изъ всего, что вообще создано этимъ развитіемъ“. „Народъ—по этому воззрѣ́нію—дѣ́йствительно могъ дойти до пониманія́ и усвоенія́ національной идеи лишь послѣ́ того, какъ появились по меньшей мѣ́рѣ́ зачатки современнаго капиталистическаго развитія́. Въ этомъ смыслѣ́ можно сказать, что лишь націона́льная идея порождаетъ национа́льность, а съ ними и націона́льный вопросъ. Слѣ́довательно, въ Австрі́и не могло быть никакого націона́льнаго вопроса, пока ея народы́ не усвоили націона́льной идеи, и никакой націона́льной идеи, пока капиталистическое развитіе не сдѣ́лало хотя бы слабыхъ успѣ́ховъ“. Для Каутскаго совершенно такъ же „национа́льность нашего времени“, есть категория выкованная въ горна́хъ буржу-

азнаго экономическаго развитія́, „выварившаяся въ фабричномъ котлѣ́“, какъ сказалъ бы Зиберъ.

Итакъ, національное начало находить себѣ́ оправданіе, по этой теорі́и, въ его происхожденіи изъ потребностей и тенденці́й буржуазной фазы эволюці́и. Воззрѣ́ніе это—на нашъ взглядъ, одно-стороннее—не было однако воззрѣ́ніемъ Маркса и Энгельса эпохи 48 г. Они держались тогда друго́го, не менѣ́е односторонняго, воззрѣ́нія, по которому точкою опоры для націона́льнаго начала является соціальная категория *докапиталистическаго* общества а именно—крестьянство. Борьба буржуазі́и противъ дворянства приводитъ въ дви́женіе и крестьянъ; „и такъ какъ дви́женіе крестьянъ, которые повсюду являются носителями локальной и націона́льной ограниченности, само по необходимости локально и национа́льно,—то одновременно съ нимъ немедленно всплываютъ и старыя национа́льныя распри“¹⁾.

Крестьянское, деревенское славянство,—вотъ кто повиненъ въ воскрешеніи безсмысленныхъ націона́льных распрей, въ которыхъ утонуло демократическое дви́женіе 48 г., чреватое пролетарской революці́ей. *Панславизмъ*,—вотъ врагъ! „Панславизмъ возникъ не въ Россі́и или въ Польшѣ́, а въ Прагѣ́ и въ Аграмѣ́“,—пишетъ Энгельсъ,—онъ есть „союзъ всѣ́хъ мелкихъ славянскихъ націй и народностей Австрі́и“... для борьбы противъ австри́йскихъ нѣ́мцевъ и мадяръ; какъ таковой, „панславизмъ по основной тенденці́и своей направленъ противъ революці́онныхъ элементовъ австри́йскаго государства и уже потому изначала реакціо́ненъ“. Мерингъ, вслѣ́д за Энгельсомъ, принимаетъ, что, не смотря на всю демократическую вы́шность пражскаго славянскаго конгресса, его надо признать „реакціо́ннымъ, поскольку онъ былъ панслависти́ченъ“. Блосъ также обвиняетъ этотъ конгрессъ въ томъ, что „во́ его члены сходились и въ мечта́хъ объ общемъ великомъ славянскомъ государствѣ́ и въ общей ненависти къ Германі́и“. При этомъ Мерингъ кста́ти напоминаетъ объ одномъ чешскомъ публицистѣ́, который не прочь былъ разсчитывать въ славянскомъ концертѣ́ на „двоюроднаго брата, играющаго на контрабасѣ́“ (Россі́я), а Блосъ о томъ, что „кто-то изъ чешскихъ во́ждей прямо заявилъ, что лучше русскій кнутъ, чѣ́мъ нѣ́мецкая свобода“.

Итакъ, панславизмъ, влекущій въ объятія́ къ русскому абсолютизму,—вотъ виновникъ реакціо́ннаго грѣ́хопаденія́ славянства. Однако, если мы присмотримся хороше́нько къ пугалу этого панславизма, то изъ-за страшна́йшей маски показываются довольно невинно-романти́ческія черты сентиментально-этнографическаго общеславянскаго культурнаго тиготѣ́нія—и только.

Въ самомъ дѣ́лѣ́, безпристрастные историки—хотя бы тотъ же М. Вахъ—по тщательномъ изслѣ́дованіи, должны были признать,

что въ пражскомъ движеніи панславизмъ былъ ровно не при чемъ: „создавать фантастическія легенды о панславистскомъ заговорѣ и т. д., не говоря уже о томъ, что легенды эти совершенно не доказаны, значило бы еще болѣе затемнить дѣло“¹⁾. Что касается до славянскаго конгресса, то первый же гунетъ деклараціи, предложенной къ приглашенію на этотъ конгрессъ, отклонялъ всякія подозрѣнія „въ мнимомъ сепаратизмѣ, панславизмѣ, русизмѣ и т. п.“ и заявлялъ о рѣшеніи „обеспечивать всѣми доступными средствами сохраненіе цѣлости и суверенитета Австрійской имперіи“. И это были не пустыя фразы. Въ программѣ богемскаго національнаго комитета также значатся мѣры, направленные къ тому, „чтобы Австрія противостояла другимъ государствамъ, какъ сильное дѣло“. Противъ панславистовъ на пражскомъ конгрессѣ выступилъ лидеръ большинства Палацкій, заявлявшій, что „необходимо сохранить Австрію: еслибы ея не было, слѣдовало бы создать ее“. Это сдѣлалось sacramentalной формулой австрійскихъ славянъ, которую въ послѣдствіи отъ ихъ имени повторилъ съ трибуны рейхстага депутатъ Свода изъ Шильзена. Палацкій, отказываясь отъ приглашенія въ составъ комитета, избраннаго общегерманскимъ форпарламентомъ, мотивировалъ это тѣмъ, что задуманное во Франкфуртѣ дѣло грозитъ существованію Австріи, какъ независимаго государства, а оно—прибавлялъ онъ—„имѣетъ важное значеніе не только для моего народа, но и для всей Европы и дѣлага чести“. Австрійскіе славяне всегда стремились къ переустройству Австріи на федеративныхъ началахъ и надѣялись преуспѣть въ этомъ. И если солидарность и взаимопомощь славянскихъ народовъ Австріи, ориентированная въ этомъ направленіи, заслуживаетъ имени „панславизма“, то для австрійской государственности это былъ панславизмъ довольно безобидный. Впрочемъ, современные историки вообще говорятъ о „двухъ панславизмахъ“²⁾, сѣверномъ—съ идеей русской гегемоніи—и южномъ, причѣмъ южный панславизмъ мечталъ о вѣнскомъ протекторатѣ, который бы гарантировалъ южныя и западныя славянскія племена отъ поглощенія сѣвернымъ колоссомъ³⁾. Обозрѣвъ соответственные факты, профъ Карѣвъ заключаетъ: „вообще среди славянъ разныхъ народностей жило сознаніе, что для ихъ совмѣстной жизни трудно придумать какую-либо иную форму, чѣмъ Австрія“⁴⁾.

Кажется, болѣе, чѣмъ ясно, что, создавая себѣ жупелы панславизма, какъ орудія Россіи, лидеры тогдашняго социализма просто

¹⁾ Бахъ, цит. соч., стр. 390.

²⁾ „Les deux panslavismes“—заглавіе старой книги Робера съ программой союза поляковъ съ западными и южными славянами въ противовѣсъ Россіи.

³⁾ Воззрѣнія, формулированныя однимъ изъ лидеров славянскаго „иллинизма“, Федоровичемъ.

⁴⁾ „Ист. Зап. Евр. въ новое время“, т. V, стр. 411.

изъ страха предъ официальною Россіейплыли въ фарватерѣ вульгарной нѣмецко-государственной подоврительности, которая во всякомъ свободномъ проявленіи національной жизни покоренныхъ народностей готова была видѣть чужеземную интригу и угрозу государственной цѣлости. Не славяне, а скорѣе нѣмцы—пангерманисты готовы были подкапываться подъ Австрію. Въ 1848 г. „Allgemeine Oesterreichische Zeitung“ въ замѣчательной статьѣ Штифта указала, что славяне сравнительно съ нѣмцами въ лучшей позиціи передъ лицомъ династіи: они могутъ указывать „на нѣмецкую Австрію, которая требуетъ отъ династіи уменія ея суверенныхъ правъ въ интересахъ объединенія германскаго народа и которая присоединеніемъ къ Германіи прокладываетъ путь къ затмѣнью и ослабленію династическаго правительства“; наоборотъ, славянинъ естественно „домогается обособленія австрійской монархіи отъ Германіи, ибо въ первой, благодаря численному перевѣсу, при конституціонныхъ формахъ ему обеспечивается господство“.

Итакъ, славяне имѣли полное право заявлять—какъ они и сдѣлали это въ деклараціи при созывѣ Пражскаго конгресса: „Такъ какъ наша національная самостоятельность и единство обусловливается сохраненіемъ цѣлости и суверенитета Австрійской имперіи, то, очевидно, все это начинаніе по существу своему имѣетъ охранительный характеръ и не заключаетъ въ себѣ ничего, что могло бы хотя въ незначительной степени обеспокоить нашихъ честныхъ и свободомыслящихъ согражданъ не-славянскаго племени. Мы торжественно заявляемъ, что никогда не было и не будетъ входить въ наши намѣренія нарушеніе правъ или угнетеніе не-славянскихъ национальностей и что наши стремленія направлены единственно къ тому, чтобы доставить принципу полнаго равноправія всѣхъ национальностей въ Австрійской имперіи необходимое признаніе и практическое осуществленіе“.

Вильгельмъ Блосъ презрительно упоминаетъ, что Пражскій конгрессъ „выпустилъ манифестъ, воздѣйствившій равноправіе всѣхъ национальностей, чѣмъ, однако, ничего не было сказано новаго“. Какъ мы ниже увидимъ, принципы манифеста отнюдь не были въ то время такъ безспорны и, напр., въ Энгельсѣ встрѣтили самаго яростнаго противника. Другое обвиненіе противъ славянскаго движенія касается упорнаго („упрямаго“, говоритъ Мерингъ) нежеланія чеховъ идти во франкфуртскій парламентъ. Впрочемъ, здѣсь не всѣ марксисты согласны между собою.

Въ эпоху, когда его революціонное настроеніе достигало своего максимума, Карлъ Марксъ не задумался даже въ этомъ пунктѣ рѣшительно встать на сторону чеховъ.

„Революціонизированная Германія должна бы была по отношенію къ сосѣднимъ народамъ отрѣшиться отъ всего своего прошлаго. Одновременно съ собственною свободой она должна бы про-

возгласить свободу тѣхъ народовъ, которые она угнетала. И что же сдѣлала революціонизированная Германія? Она совершенно одобрила старое подавленіе Италіи, Польши, а теперь и Богеміи, нѣмецкой солдатчиной. Кауницъ и Меттернихъ вполне оправданы!

„И послѣ этого нѣмцы еще требуютъ, чтобы чехи имъ довѣряли? И чеховъ еще упрекаютъ за то, что они не хотятъ присоединиться къ націи, которая, освобождая сама себя, подавляетъ и угнетаетъ другіе народы? Ихъ упрекаютъ за то, что они не хотятъ посылать представителей въ такое собраніе, какъ наше жалкое, слабодушное, боищееся своего собственного суверенитета „національное собраніе“¹⁾.

Но послѣдователямъ Маркса—даже Мерингу!—это кажется уже чрезмѣрной уступкой славянству. И Мерингъ утверждаетъ, что сваливать вину на слабодушіе и вялость франкфуртскаго парламента значитъ представлять вещи шиворотъ на ъыворотъ; что упрямое чешское нежеланіе идти туда было раньше, чѣмъ могли проявиться эти его свойства; наконецъ, что „для чеховъ собраніе это было не слишкомъ реакціоннымъ,—по крайней мѣрѣ, по скольку оно было нѣмецкимъ“.

Но утвержденіе Меринга еще менѣе попадаетъ въ цѣль, чѣмъ марксовское. Сравнительная реакціонность и революціонность здѣсь не при чемъ. Вся борьба здѣсь была не въ плоскости степени революціонности, не въ плоскости чисто демократической политики, а въ плоскости политики національной. Чехи по прежнему опыту слишкомъ хорошо знали, насколько безнадежно ихъ положеніе тамъ, гдѣ нѣмцы будутъ имѣть большинство. Нѣмецкіе радикалы соперничали съ реакціонерами, и часто даже превосходили ихъ въ упорномъ и пренебрежительномъ игнорированіи національныхъ правъ славянства. „Презрѣніе къ „богемцамъ“ — вотъ чѣмъ характеризовались нѣмецкія воззрѣнія вѣнцевъ“—говоритъ Бахъ:—„поэтому фразы о великомъ нѣмецкомъ отечествѣ были на устахъ этихъ людей вызывающей провокаціей славянамъ“. Чехи боялись быть майоризированными. И они не ошибались.

Говоритъ же, что франкфуртское собраніе для чеховъ было слишкомъ революціоннымъ, довольно странно послѣ того, какъ это самое собраніе вотировало поздравленіе Виндиггрецу за успешную бомбардировку Праги, и послѣ того, какъ, напр., историкъ Вуттке, членъ лѣвой, правая рука знаменитаго Роберта Блюма, предостерегалъ побѣдоноснаго героя контръ-революціи противъ „несвоевременной гуманности“ въ использованіи побѣды. По проищіи исторіи, Виндиггрецъ впоследствии воздержался отъ этой „неумѣстной гуманности“ по отношенію къ самому вождю демокра-

товъ, Роберту Блюму, арестовавши его при вѣятіи Вѣны и разстрѣлявъ въ порядкѣ „скорострѣльной военной юстиціи“!

„Упрямство“ чеховъ по отношенію къ франкфуртскому предпріятію оказалось—увь!—небезосновательнымъ...

Таковъ былъ „матеріальный фундаментъ“ историческихъ фактовъ, на которомъ основоположникамъ марксизма пришлось возродить „идеологическую надстройку“ своей „внѣшней политики социализма“...

V.

Когда, въ началѣ революціи 48 г., Марксъ переживалъ апогей своего революціоннаго идеализма, онъ былъ, казалось, сама справедливость въ вопросахъ, вызывавшихъ споръ между славянами и нѣмцами. Вспоминая его статьи о пражскомъ возстаніи чеховъ, Мерингъ утверждаетъ даже, что „Новая Рейская Газета“ „требовала Богеміи для чеховъ, какъ Польши для поляковъ, Венгріи для мадьяръ, Италіи — для итальянцевъ“. Утвержденіе это, однако, слишкомъ смѣло. Самъ Марксъ, начавъ за здравіе, кончаетъ за упокой чешскаго движенія. Онъ приговариваетъ его къ смерти; приговариваетъ съ сожалѣніемъ, но приговариваетъ...

„Возстаніе можетъ кончиться какъ угодно; но теперь единственно возможнымъ разрѣшеніемъ вопроса остается истребительная война нѣмцевъ противъ чеховъ...“

„Кого при этомъ болѣе всего приходится пожалѣть, такъ это самихъ храбрыхъ чеховъ. Побѣдятъ они или будутъ побиты, но гибель ихъ неизбежна. Четырехвѣковымъ угнетеніемъ со стороны нѣмцевъ, которое заканчивается теперь уличной битвой въ стѣнахъ Праги, они отброшены въ объятія русскихъ. И въ великой войнѣ между Востокомъ и Западомъ Европы, войнѣ, которая разразится вскорѣ, быть можетъ, черезъ нѣсколько недѣль, несчастная судьба ставитъ чеховъ на сторону Россіи, на сторону деспотизма противъ революціи. Революція побѣдитъ, и чехи будутъ первыми, которые будутъ ею подавлены“¹⁾.

Предсказаніе не исполнилось. Чехи не бросились въ объятія

¹⁾ Nachlass, III, s. 108, 109—110.

Россіи, всемірной войны не произошло, революція не побѣдила. Все кончилось гораздо проще.

Вмѣсто великой революціонной войны Запада съ Востокомъ началась малая національно-революціонная война Венгріи противъ Австріи и ея спасительницы Россіи, — война, въ которой венгры, „провозглашая свое освобожденіе, продолжали угнетать зависимыя отъ нихъ народности“ славянскаго юга. И южные славяне встали противъ мадьяръ и помогли австрійской династіи справиться съ этимъ новымъ врагомъ.

Какой выводъ слѣдуетъ изъ этого? Да только тотъ, что національный моментъ есть огромная и обоюдоострая сила. Тамъ, гдѣ національность угнетена, рождается своеобразный „оборонительный национализмъ“, и отъ него не отчураться никакими формулами. Онъ живучъ и обладаетъ упорствомъ и неистребимостью элементарной стихіи. Безполезно его отвергать; но и безотговорочно принять его невозможно. Ибо гдѣ кончается оборонительный национализмъ и начинается наступательный, агрессивный? Мадьяры бились за свою свободу и, еще не успѣвши ея обезпечить, уже наступали на чужую свободу. Чехи готовы были равнодушно предать свободу Вѣны, въ надеждѣ выторговать себѣ этимъ путемъ свободу у династіи. Венгры за свою свободу готовы были заплатить цѣною содѣйствія въ уничтоженіи свободы итальянцевъ. Югославяне изъ мести венграмъ топили и венгерскую, и собственную свободу.

Революція въ Австріи могла бы быть спасена, еслибы демократія того времени понимала всю сложность и запутанность національнаго вопроса, всю зависимость дѣла общей свободы отъ его разрѣшенія, отъ примиренія интересовъ всѣхъ національностей Австріи на основѣ общей, единой, разработанной національной программы. Переустройство всей Австро-Венгріи на федеративныхъ началахъ; полный отказъ исторически-господствовавшихъ національностей отъ всякихъ привилегій; гарантія правъ национальныхъ меньшинствъ въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ—таковы были единственно-возможныя условія преодоленія хаоса национальныхъ распрей, въ которомъ, какъ въ мутной водѣ, удачно ловила рыбу контръ-революція.

Тогдашній социализмъ долженъ былъ указать демократіи этотъ единственный выходъ. Но онъ этого не сдѣлалъ.

Социализмъ Маркса и Энгельса, послѣ нѣсколькихъ колебаній, просто и кратко всталъ на сторону нѣмцевъ и мадьяръ противъ славянъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, въ которыхъ можно отмѣтить переходящія неясныя тяготѣнія Маркса въ сторону новаго пути, и прочныя, опредѣленныя тяготѣнія Энгельса къ старой, избитой колѣѣ.

Точка зрѣнія Энгельса очень проста. Славяне не имѣютъ будущности, не имѣютъ и прошлаго. Отъ полнаго варварства и жал-

ваго провябанія подь турецкимъ игомъ ихъ спасли нѣмцы и мадьяры. Нѣмцы и мадьяры принесли имъ современную культуру, городскую жизнь, индустрію, торговлю, образованіе, гражданственность. Германизация и мадьяризация подняла ихъ изъ состоянія варварства на нѣкоторую высшую ступень цивилизаціи. Не жаловаться на германизацию и мадьяризацию должны они, а быть благодарными. Не мечтать о фантастическомъ національномъ возрожденіи, а продолжать германизироваться и мадьяризироваться. Всякое иное поведеніе будетъ попыткой повернуть назадъ или задержать колесо исторіи. Будетъ только справедливо, если за такую попытку они поплатятся.

Это относится и къ чехамъ, вмѣстѣ съ моравами и словаками. „Никогда они не имѣли собственной исторіи. Со временъ Карла Великаго Богемія прикрѣплена къ Германіи. Лишь на моментъ высвобождается чешская нація, образуеъ великоморавское королевство, чтобы тотчасъ же снова подпасть подь чужое владычество и втеченіе пятисотъ лѣтъ перебрасываться, какъ мячъ, между Германіей, Венгріей и Польшей. Наконецъ, Богемія и Моравія окончательно переходятъ къ Германіи, а словацкія области остаются при Венгріи. И эта никогда исторически не существовавшая нація заявляетъ претензіи на самостоятельность?

„То же и по отношенію къ собственно такъ называемымъ югославянамъ. Гдѣ исторія иллирійскихъ словенцевъ, далматинцевъ, кроатовъ, шоказовъ? Съ XI вѣка потеряли они послѣднюю тѣнь политической самостоятельности, состоя частью подь нѣмецкимъ, частью подь венеціанскимъ, частью подь мадьярскимъ господствомъ. И изъ этихъ разодранныхъ лохмотьевъ хотятъ скроить сильную, независимую, жизнеспособную національность?“ 1).

Это не только утопія, но реакціонная утопія. „Всѣ подобныя остатки національности, безжалостно растоптанной — какъ выражается Гегель — ходомъ исторіи, всѣ эти осколки народностей постоянно являются и остаются вплоть до своего окончательнаго истребленія или денационализаціи фанатическими носителями контръ-революціи, подобно тому, какъ и вообще все ихъ существованіе уже является протестомъ противъ великаго историческаго переворота“ 2).

И это говорится про народности, среди которыхъ, начиная съ 20-хъ годовъ, шло *crescendo* національное возрожденіе! Ни о чемъ подобномъ Энгельсъ ничего не хочетъ знать. Для него какъ будто ничего не измѣнилось со временъ незапамятной старины. Кто хочетъ видѣть будущее чеховъ и югославянъ, — утверждаетъ Энгельсъ — тотъ долженъ только взглянуть на давно и окончательно германизированные области бывшихъ эльбскихъ, „полабскихъ“ и т. п.

1) Nachlass, III, 252

2) Ibid, 241.

славянъ. „Тамъ дѣло уже покончено и покончено безвозвратно,“ — торжествуетъ онъ и подсмѣивается надъ панславистами, которымъ пришлось бы „возродить потерянные сорбскій, вендскій и оботритскій языки и навязать ихъ современнымъ лейпцигцамъ, берлинцамъ и штетинцамъ“. А главное, — „что это завоеваніе было въ интересахъ цивилизаціи — этого доселѣ еще никто не рѣшался оспаривать“.

Увлекаясь все болѣе и болѣе апологіей германизаціи, Энгельсъ окончательно ступаетъ на наклонную плоскость и начинаетъ разсуждать, какъ самый плоскій и самодовольный представитель господствующей національности, требующей отъ подчиненныхъ народовъ не только покорности своей участи, но еще и благодарности націи — „господину“.

Развѣ это не плоская апологетика, когда Энгельсъ надѣваетъ розовыя очки и прекраснодушно повѣствуетъ: „германизація славянскихъ областей въ гораздо большей степени совершалась мирными средствами, путемъ колонизаціи, путемъ вліянія болѣе развитой націи на менѣе развитую. Нѣмецкая индустрія, нѣмецкая торговля, нѣмецкое образованіе, — вотъ, благодаря чему, нѣмецкій языкъ самъ собой вивдрался въ страну. Что же касается „угнетенія“, то славяне подвергались ему со стороны нѣмцевъ ничуть не болѣе, чѣмъ масса самихъ нѣмцевъ“.

И все это говорится про положеніе дѣлъ въ Австріи, гдѣ вся предреволюціонная эпоха „іосифизма“ была эпохой сплошного ассимиляторства, гдѣ, по свидѣтельству позднѣйшаго историка-марксиста, „мѣропріятія императора Іосифа II и развивавшаяся параллельно имъ практика, послѣдовательно осуществляясь втеченіе 50 лѣтъ, должны были не-нѣмецкіе языки Австріи низвести на степень простыхъ народныхъ нарѣчій, совершенно исключенныхъ изъ сферы общественной жизни, искусства и науки“ (М. Бахъ). Въ Австріи, въ тогдашней Австріи, по праву получившей ничѣмъ неизгладимое прозвище „тюрьмы народовъ“!

Развѣ это не плоская апологетика, когда Энгельсъ начинаетъ пролизировать: „Но величайшее „преступленіе“ нѣмцевъ и мадьяръ, очевидно, заключается въ томъ, что они помѣшали этимъ двѣнадцати милліонамъ славянъ — отуречиться! Да что случилось бы съ этими раздробленными мелкими народцами, игравшими столь жалкую роль въ исторіи, что случилось бы съ ними, ...еслибы такъ называемые „угнетатели“ не рѣшили участь битвъ, данныхъ въ защиту этихъ слабыхъ племенъ! И, наконецъ, какое преступленіе въ томъ, что нѣмцы и мадьяры, въ эпоху, когда вообще въ Европѣ большія монархіи были исторической необходимостью, — согнали эти мелкіе, безсильные, заскоружные народцы въ одно великое государство и дали имъ такимъ образомъ возможность принять участіе въ историческомъ развитіи, которому они оста-

лись бы совершенно чужды, еслибы их предоставить их собственной участи?"

Какъ не вспомнить по этому поводу сарказмовъ Маркса, направленныхъ противъ „объективистовъ“ исторической школы, оправдывавшихъ любую гнусность ссылкой на предыдущія гнусности, санкціонировавшихъ каждый историческій кнутъ, какъ закономерно-необходимый, исторически-естественный: тѣхъ объективистовъ, про которыхъ онъ со своею сильной и грубоватой ироніей говорить, что исторія имъ показываетъ, какъ израильскій Богъ слугъ своему Моисею, только „свое a posteriori“!

Да, не мало національностей въ свое время было перемолото тяжкими жерновами исторіи. „Перемелется — все мука будетъ“ Не смотря на болѣзненные стороны этого процесса, кое-какъ изъ элементовъ прежнихъ народностей получились новые историческіе сплавы. Народилась, наконецъ, въ процессѣ многотрудныхъ историческихъ родовъ, современная демократія, и съ нею — національное самосознаніе и національныя культуры. Никому не придетъ въ голову, конечно, изъ абстрактнаго уваженія къ принципу національности требовать воскрешенія того, что умерло — этихъ недѣлностей Энгельсъ могъ бы и не подсовывать своимъ противникамъ изъ лагеря славянской демократіи; но изъ этого не вытекаетъ, что нужно безъ всякихъ дальнѣйшихъ сомнѣній красить въ цвѣтъ „прогрессивности“ все, что исторически было неизбежно. Исторія, какъ и природа, идетъ къ своимъ результатамъ отнюдь не кратчайшими путями; ея творческіе акты связаны съ грандіознымъ расточеніемъ силъ, и пути ея усыяны терніями, а не розами. „Чтобъ одного возвеличить, судьба тысячи слабыхъ уноситъ“, Съ этимъ нужно считаться, жизнь надо принять въ томъ видѣ, какъ она есть. Но значить ли это, что мы должны проникнуться передъ путями исторіи какимъ-то рабымъ энтузіазмомъ, кадить передъ всякимъ „возвеличеннымъ“ и втыкать осиноый колъ въ тысячи могилъ „унесенныхъ судьбою“ слабыхъ? А главное, значить ли это, что мы имѣемъ право мѣрить настоящее аршиномъ незапамятнаго прошлаго и мириться съ тяжкимъ гнетомъ жернововъ исторіи въ современности, дѣятельной частью которой мы являемся, на основаніи того, что нельзя не мириться съ давно прошедшимъ, въ которомъ все равно ни одной іоты не передѣлаешь, какъ бы страстно этого ни желалъ?

Оптимистическій фатализмъ Энгельса для него легокъ. Онъ принадлежалъ не къ одной изъ тѣхъ національностей, которыя играли роль *наковальни*, а къ одной изъ тѣхъ, которыя играли роль ударявшаго по этой наковальнѣ *молота*. И потому представители угнетенныхъ національностей могли только съ законнымъ негодованіемъ отвѣтить на его успокоительную историческую философію, преклоняющуюся передъ конечными итогами общаго „естественнаго хода вещей“: „Конечно, подобныя вещи не могли

быть осуществлены безъ того, чтобы кое-гдѣ насильственно смять иной хрупкій національный цвѣтокъ. Но безъ насилія и безъ желѣзной способности дѣйствовать, не взирая ни на что, въ исторіи не совершалось ничего новаго; и еслибы Александръ Македонскій, Цезарь и Наполеонъ обладали тѣмъ мягкосердечіемъ, къ которому взываетъ панславизмъ въ пользу своихъ обреченныхъ на гибель кліентовъ, что бы вышло изъ исторіи?“

О, ужасъ! Что бы вышло изъ исторіи, еслибы великіе завоеватели (почему бы не дополнить этотъ списокъ Атиллой и Тамерланомъ?) были менѣе жестоковыины? Очевидно, ничего добраго. Ибо, повидимому, полководческая жестоковыиность неожиданнымъ образомъ возводится „экономическимъ матеріализмомъ“ въ одинъ изъ важнѣйшихъ прогрессивныхъ факторовъ историческаго процесса. Настолько важныхъ, что Энгельсъ даже забываетъ, насколько большинство завоевателей стараго времени были терпимѣе современныхъ государственныхъ дѣлъ мастеровъ и политическихъ централизаторовъ по отношенію къ внутреннему народному быту и духовной культурѣ покоренныхъ народовъ. Атиллы, Тамерланы, Батыи завоевывали и грабили. Но имъ рѣдко приходило въ голову сосредоточить всѣ силы на томъ, чтобы ограбить покоренныхъ духовно, обратить ихъ историческій умственный капиталъ, навязать имъ во что бы то ни стало языкъ, вѣру, обычаи побѣдителей. Они брали дань, и только. Цивилизованные Тамерланы германизаторскаго и т. п. искусства въ этомъ отношеніи будутъ „много поадовитѣе“!

VI.

Національныя распри, сказали мы, были тѣмъ хаосомъ, въ которомъ захлебнулись и потонули демократическія потуги 1848 г. Урокъ этихъ событій долженъ былъ пойти на пользу демократіи. Извлечь его изъ калейдоскопа исторіи долженъ былъ социализмъ.

Въ лицѣ Энгельса социализмъ, однако, не разсѣивалъ марева взаимныхъ недоразумѣній между національностями, а усугублялъ ихъ. вмѣсто того, чтобы понять, кто и какъ въ лагерѣ самой демократіи ложною національною политикою толкалъ политически неразвитое славянство въ объятія габсбургской реакціи, онъ сталъ на точку зрѣнія *вмѣненія* и *кары*. Славянство онъ посадилъ на скамью подсудимыхъ, нѣмцевъ и мадьяръ превратилъ въ гражданскихъ истцовъ. Болѣе того: отнесясь къ событіямъ и коллективнымъ героямъ событій съ самою страстной тенденціозностью и лицепріятіемъ, онъ не помогаль нѣмецкой и мадьярской демократіи понять свои политическія ошибки, но иногда даже *мѣшалъ* имъ въ этомъ. Лучшей иллюстраціей этого можетъ служить хотя бы такое мѣсто изъ Энгельса: „Что касается мадьяръ, то именно здѣсь приходится замѣтить, что какъ разъ со времени революціи они вели

себя слишком податливо и уступчиво по отношенію къ епѣсивымъ кроатамъ. Извѣстно, что Кошутъ далъ имъ все возможное, не допуская лишь, чтобы ихъ депутаты могли говорить въ рейхстагѣ по кроатски. И эта уступчивость по отношенію къ націи, контрреволюціонной по самой своей природѣ, *есть единственное, въ чемъ можно упрекнуть мадьяра*¹⁾.

Здѣсь можно найти что угодно—только не способность къ самому элементарному безпристрастію въ оцѣнкѣ національных недоразумѣній и споровъ. Опровергать Энгельса не приходится—ни одинъ изъ [позднѣйшихъ марксистовъ, какъ бы безпощаденъ онъ ни былъ въ оцѣнкѣ поведенія славянъ, не рѣшился бы повторить этихъ словъ. Но Энгельсъ шелъ еще дальше. Онъ жаждалъ кары, жаждалъ мести.

Въ тотъ моментъ, когда венгры и славяне окончательно истекли кровью въ междоусобной схваткѣ, а габсбургская династія какъ „третій радующійся“, готовилась прибрать къ рукамъ и тѣхъ, и другихъ,—Энгельсъ не только всей душой былъ за стоящихъ на краю гибели венгровъ (кто изъ демократовъ не былъ бы за нихъ?) но и ждалъ для нихъ реванша—и какого реванша! „При первомъ же побѣдоносномъ возстаніи французскаго пролетаріата, возстаніи отъ котораго Луи Наполеонъ пытается отчураться всѣми силами репрессій, — у австрійскихъ нѣмцевъ и мадьяръ руки будутъ свободны и *отвѣтятъ славянскимъ варварамъ кровавою местию*. Всеобщая война, которая тогда разразится, раздробитъ этотъ славянскій „вондербундъ“ и уничтожитъ эти мелкія тупоголовыя національности вплоть до ихъ имени включительно. Да, ближайшая всемірная война сотретъ съ лица земли не только реакціонные классы и династіи, но и цѣлые реакціонные народы,—и это также будетъ прогрессомъ“²⁾!

И это—не случайно вырвавшіяся, въ порывѣ страсти, случайныя фразы, заходящія гораздо дальше того, что думалъ ихъ авторъ. Нѣтъ, въ послѣдующихъ статьяхъ Энгельсъ не разъ возвращается къ этимъ лозунгамъ ненависти и мести. Отмѣчая поворотъ чеховъ послѣ подавленія пражскаго возстанія въ сторону сближенія съ династіей—противъ нѣмецкой и мадьярской національной демократіи, онъ говоритъ: „И за эту трусливую, низкую измѣну революціи мы когда-нибудь отплатимъ славянамъ кровавою местию“³⁾ И въ другомъ мѣстѣ, характеризуя „ненависть къ русскимъ“, какъ „первѣйшую нѣмецкую революціонную добродѣтель“, онъ восклицаетъ: „Со времени революціи къ этой ненависти присоединилась ненависть противъ чеховъ и кроатовъ, и мы, сообща съ поляками и мадьярами, утвердимъ революцію противъ

1) Nachlass, III, s. 256.

2) Ibid., s. 245.

3) Ibid., s. 260.

этихъ славянскихъ народовъ самыми рѣшительными мѣрами терроризированія... Мы знаемъ теперь, гдѣ сосредоточены враги революціи: въ Россіи и въ славянскихъ земляхъ Австріи. И никакія фразы, никакія туманныя ссылки на демократическое будущее этихъ странъ не удержатъ насъ отъ того, чтобы обращаться съ нашими врагами, какъ съ врагами!“ И въ отвѣтъ на Бакунинскія рѣчи о томъ, что славяне хотятъ жить и развиваться, хотятъ взаимно поддерживать другъ друга и всѣми своими силами вступаться за нарушеніе правъ cadaго изъ славянскихъ народовъ,—Энгельсъ восклицаетъ: „Тогда мы знаемъ, что намъ сдѣлать! Тогда борьба, безжалостная борьба на жизнь и смерть съ измѣнническимъ, предательскимъ по отношенію къ революціи славянствомъ; тогда—истребительная война и безудержный терроръ — не въ интересахъ Германіи, а въ интересахъ революціи“! 1)

Террористическія традиціи якобинства здѣсь явно поставлены на службу расовой враждѣ. Энгельсъ, конечно, былъ искренній интернаціоналистъ по своимъ убѣжденіямъ. Но чисто головному, теоретическаго интернаціонализма далеко еще недостаточно, чтобы воплощать интернаціонализмъ на практикѣ. Не всякій, взывающій,—Господи, Господи!—взыдетъ въ царствіе небесное, но лишь творящій волю Отца, иже на небесахъ. За кулисами человѣческаго сознанія пережитки націоналистической узости и исключительности живутъ гораздо дольше, чѣмъ въ области формулировокъ „чистаго разума“. Мало того, эти пережитки *психологии* тѣмъ незамѣтнѣе и сильнѣе даютъ на человѣческую логику, чѣмъ болѣе убѣжденъ человекъ въ своемъ полномъ идейномъ отъ нихъ освобожденіи. „Не въ интересахъ Германіи, а въ интересахъ революціи“—отнюдь не было въ устахъ Энгельса пустой фразой. Разумъ человѣческій, слишкомъ часто стоящій на запяткахъ у чувства, у страсти, склоненъ къ самоослѣпленію, „glaubt, zu schieben—und wird geschoben“... И развѣ сейчасъ, во время самой ужасной международной бойни, разбросанные между разными лагерями социалисты, взирая съ сердечной болью, съ гнѣвомъ и отвращеніемъ на „подвиги“ единомышленниковъ „по другую сторону огня“ начиная другъ друга презирать и ненавидѣть, не считаютъ себя совершенно искренне самыми настоящими, чистокровными и преданными интернаціоналистами? Развѣ голое теоретическое исповѣданіе интернаціонализма отъ чего-либо гарантируетъ? Развѣ оно несовмѣстимо съ самымъ крайнимъ націоналистическимъ грѣхопаденіемъ?

Такое грѣхопаденіе постигло и революціонный марксизмъ конца сороковыхъ годовъ, причемъ первою и наиболѣе полною его жертвою сталъ Энгельсъ, давившій систематически и на Маркса,—на Маркса, оказавшагося нѣсколько менѣе податливымъ, но все же

1) Ibid., 264.

податливимъ. Въ міросозерцаніи обоихъ мыслителей оказались брешы, сквозь которыя въ него легко проникли переживанія національныхъ „притяженій и отталкиваній“, создававшихся и укоренявшихся въ человечествѣ вѣками, и потому неистребляемыя въ нѣсколько дней или даже нѣсколько лѣтъ индивидуальнаго идейнаго развитія.

Въ какихъ пунктахъ міросозерцанія Маркса и Энгельса нужно усматривать эти брешы? Вотъ вопросъ необычайной теоретической важности для всѣхъ, кто хочетъ свести счеты со своею интеллектуальной совѣстью, кто хочетъ разобраться въ идейномъ наслѣдствѣ современнаго интернаціонала, кто хочетъ рѣшить — чему именно изъ этого наслѣдства суждено перейти, въ качествѣ жизненнаго элемента, въ строительство будущаго, и чему именно суждено поступить, въ качествѣ пережитка, въ область археологій соціалистической мысли.

Одну искомую брешь мы уже „локализовали“. Это—якобинская традиція, облегчавшая марксизму 48 г. „пріятіе войны“, толкавшая къ утилизированію національнаго патріотизма въ интересахъ революціи, къ созданію и укрѣпленію своеобразнаго „революціоннаго шовинизма“.

Другую дали возможность „локализовать“ сами первоучители марксизма. Она заключалась въ переоцѣнкѣ революціонной зрѣлости пролетаріата и творчески-преобразующей роли капитализма,—переоцѣнкѣ, благодаря которой, борцы 1848 г. приняли національно демократическій „этапъ“ или „привалъ“ буржуазнаго строя за конечный пунктъ его странствія, за историческую смѣну его новымъ строемъ, соціалистическимъ.

Третью брешь пытались уже давно „теоретически локализовать“ видные послѣдователи современнаго марксизма, въ особенности Францъ Мерингъ. Она заключается въ общей недооцѣнкѣ у Маркса роли національнаго начала въ исторіи.

Вопросъ объ историческомъ „правѣ на существованіе“ національныхъ стремленій южныхъ и западныхъ славянъ,—вопросъ, позднѣйшей исторіей разрѣшенный, вопреки Марксу и Энгельсу, въ положительномъ, а не въ отрицательномъ смыслѣ,—для соціалистической теоріи, какъ правильно формулируетъ Мерингъ, есть лишь частный случай болѣе общаго вопроса; „теряютъ ли, и если да, то когда и поскольку теряютъ свое право національныя эмансипаціонныя стремленія лицомъ къ лицу съ высшими интересами культуры“.

Въ рѣшеніи этого вопроса Марксъ и Энгельсъ исходили изъ здоровой, по мнѣнію Меринга, реакціи противъ вульгарно-демократическаго фразерства о братствѣ народовъ, однако, съ другой стороны, онъ не можетъ не сознаться, что у нихъ реакція эта „приняла обостренную и потому нѣсколько одностороннюю форму“.

„Самый вопросъ при какихъ условіяхъ само по себѣ законное

стремленіе малой національности къ самоутвержденію должно себя умѣрять, чтобы не вступить въ столкновеніе съ революціонными условіями развитія великихъ культурныхъ народовъ, поддается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшенію всегда съ немалыми трудностями, такъ какъ при этомъ рѣчь идетъ о взвѣшиваніи многихъ сталкивающихся и болѣе или менѣе сложныхъ моментовъ. Наряду съ опасностью, что освободительная борьба какой-нибудь периферической національности можетъ повредить важнѣйшимъ интересамъ историческаго развитія въ великихъ культурныхъ центрахъ, есть вѣдь и противоположная опасность, — что великія націи могутъ съ сувереннымъ равнодушіемъ глядѣть поверхъ жизненныхъ интересовъ мелкихъ націй даже тамъ, гдѣ нѣтъ налицо никакого серьезнаго столкновенія интересовъ, или лишь столь незначительное ихъ расхожденіе, что великія націи могли бы цѣною того или другого меньшаго удобства дать удовлетвореніе и правамъ мелкихъ національностей. И вотъ, что касается „Новой Рейнской газеты“, то она въ общемъ всегда была съ великими культурными народами, чьи интересы она оберегала заботливѣе, „чѣмъ интересы мелкихъ народностей“. И затѣмъ Мерингъ заканчиваетъ въ тонѣ все того же „съ одной стороны нельзя не признать, съ другой — нельзя не сознаться“. Съ одной стороны „въ революціонные годы такая концепція находитъ свое полное оправданіе“; съ другой — нельзя отрицать, что отъ „субъективно оправданной страстности“ въ расцѣнкѣ сталкивающихся силъ „терпитъ извѣстное ограниченіе объективная правильность историческаго сужденія“ — какъ случилось у Маркса и Энгельса съ сужденіемъ объ исторической будущности южнаго и западнаго славянства.

Какъ ни осторожно выражается Мерингъ о своихъ учителяхъ, но объективная сущность его замѣчанія недвусмысленна. „Интернаціонализмъ“, который всегда держитъ сторону крупныхъ національностей противъ мелкихъ — а это почти всегда означаетъ господствующихъ національностей противъ подчиненныхъ — есть интернаціонализмъ односторонній, односторонній — я даже позволю себѣ выразиться, *интернаціонализмъ на ущербѣ*. Ибо что же это за интернаціонализмъ, который въ борьбѣ двухъ націонализмовъ — агрессивнаго націонализма крупныхъ національностей, драпирующагося въ тогу „цивилизаторской миссіи“ и подъ нею скрывающаго свои ассимиляторски-великодержавныя поползновенія, — и оборонительнаго націонализма мелкихъ народностей, служащихъ объектами такого поползновенія — не умѣетъ хранить должнаго объективнаго безпристрастія, но заранѣе предрасположенъ быть съ сильнымъ противъ слабого?

VII.

Коллекція цитатъ изъ Маркса и Энгельса относительно австрійскихъ славянъ могла бы быть дополнена такою же коллекціей цитатъ о славянахъ турецкихъ. Но думается, что это будетъ излишне. Никакой новой аргументаціи отзывы эти не содержатъ, лишь усугубляя общую картину. „Тѣмъ, что Марксъ и Энгельсъ, спустя нѣсколько лѣтъ, во время Крымской кампаніи, дали столь же неблагопріятную оцѣнку турецкихъ славянъ, какъ орудій русскаго деспотизма, какъ во время революціонныхъ годовъ оцѣнку австрійскихъ югославянъ, какъ орудій Габсбургской контръ-революціи,—вопросъ этотъ получилъ еще болѣе глубокое значеніе“—справедливо замѣчаетъ Мерингъ. Въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, послѣ русско-турецкой войны, произошло въ рядахъ германской соціалъ-демократіи рѣзкое разногласіе по вопросу о томъ, чью сторону взять въ ближне-восточномъ вопросѣ: сторону ли балканскихъ славянъ, или сторону турокъ. Рекордъ туркофильства въ то время былъ побитъ Вильгельмомъ Либкнехтомъ. Во время гуманитарной кампаніи, поднятой въ Англіи Гладстономъ, возмущеннымъ турецкими звѣрствами надъ болгарами съ одной стороны, надъ армянами съ другой, Либкнехтъ дошелъ до того, что съ фанатическимъ упорствомъ отрицалъ наличность этихъ звѣрствъ, увѣряя, что они начисто изобрѣтены въ качествѣ предлога для вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи; поскольку же, въ видѣ исключенія, они дѣйствительно имѣли мѣсто,—постольку они подстроены и *провоцированы* ради той же цѣли фальшивыми „заступниками“ и „покровителями“ славянства. Всякое дѣятельное проявленіе сочувствія „угнетеннымъ“ онъ считалъ величайшей, и по послѣдствіямъ своимъ преступной, политической глупостью: это для него значило бы играть на руку „русскому кнуту“, и сборнику своихъ статей по этому вопросу онъ далъ краснорѣчивое названіе: „Должна ли Европа оказаться? слово предостереженія нѣмецкому народу“. 1) Ради спасенія отъ этой угрожающей перспективы Либкнехтъ проповѣдывалъ для Германіи *интервенцизмъ*, вооруженное вмѣшательство противъ Россіи въ пользу Турціи. Изъ лагеря симпатизировавшихъ славянству, среди которыхъ были Каутскій, Бернштейнъ и Роза Люксембургъ, въ отвѣтъ вышелъ талантливый анонимный памфлетъ (авторомъ его былъ молодой авторъ Г. Леви) подъ не менѣе краснорѣчивымъ за-

1) Zur orientalischen Frage oder: Soll Europa kosakisch werden? Ein Mahnwort an das deutsche Volk“. Нынѣ эта брошюра издана въ украинскомъ переводѣ группою украинцевъ „австро-турецкой оріентаціи“, подъ заглавіемъ „Чи має Европа скозачити?“

главiемъ: „Должна-ли социалистическая рабочая партiя отуречиться! Слово предостереженiя нѣмецкой социаль-демократiи“. ¹⁾

Марксъ и Энгельсъ въ этомъ спорѣ были на сторонѣ Либкнехта и Бебеля. Марксъ еще во время Крымской войны писалъ Энгельсу, что извѣстный англійскiй туркофилъ Урквартъ послѣ одной изъ его статей удивилъ его „комплиментомъ, что статья вышла такова, какъ будто ее писалъ турокъ“. Въ устахъ этого маньяка туркофильства комплиментъ прiобрѣталъ весьма двусмысленный характеръ. На дѣлѣ, конечно, Марксъ не противъ Россiи выступалъ потому, что былъ за турокъ, а наоборотъ: былъ за турокъ лишь потому, что этого требовалъ антагонизмъ къ Россiи. Въ турокъ онъ не вѣрилъ. Но онъ въ равной мѣрѣ не вѣрилъ и въ историческую жизнеспособность покоренныхъ ими балканскихъ славянъ. И тѣ, и другiе—какъ писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Энгельсу — „müssen kaputt gehen“. Но въ томъ и дѣло, что практическимъ лозунгомъ его иностранной политики въ пятидесятихъ годахъ былъ — употребляя его собственное выраженiе изъ той же переписки, — „антипанславизмъ“. Онъ хотѣлъ даже разорвать всякую связь съ „Нью-Йоркской Трибуной“—газетой, дававшей ему единственный заработокъ въ эпоху крайне стѣсненнаго, даже прямо бѣдственнаго, матеріальнаго положенiя,—если она не приметъ этого лозунга. Однимъ изъ формулированныхъ имъ „исходныхъ нунктовъ“ разсужденiя по восточному вопросу былъ слѣдующiй: „Неизбѣжность разложенiя мусульманской имперiи. Тѣмъ или другимъ способомъ она попадетъ въ руки европейской цивилизацiи“. Надо лишь, чтобы ликвидацiя Турцiи не произошла въ духѣ панславизма, съ преобладающимъ влiянiемъ Россiи. Современная дипломатiя можетъ неопредѣленно долгое время затягивать этотъ процессъ и затушевывать зарождающiеся на его почвѣ конфликты. Конецъ этому положить все та же, ожидаемая Марксомъ и Энгельсомъ, общеевропейская катастрофа, въ которой повѣтріе внутреннихъ переворотовъ будетъ сопровождаться европейской войной. „Въ случаѣ всеобщей встряски Турцiя побудитъ Англiю встать на революціонную сторону, ибо здѣсь неизбѣженъ конфликтъ Англiи съ Россiей“ ²⁾. Вотъ въ чемъ, слѣдовательно, положительная историческая миссiя неизлечимаго „больного чело-вѣка“. Не онъ самъ важенъ и нуженъ, а нужно яблоко раздора между Англiей и Россiей. Съ этой точки зрѣнiя понятенъ частичный союзъ Маркса съ такими политическими маньяками, какъ „урквартиты“. „Антипанславизмъ“ и „руссоманiя“, про которую писалъ Лассаль, временами создавали у Маркса какой-то, вообще

¹⁾ „Zur orientalischen Frage, oder: Soll die sozialistische Arbeiterpartei turkisch werden? Ein Mahnwort an die deutsche Sozialdemokratie“

²⁾ См. „Der Briefwechsel zwischen F. Engels u. K. Marx 1844—1883“, Stuttgart, 1913, B. I, 395; B. II, ss. 22, 70 etc.

ему несвойственный, *моноидеизмъ* въ вопросахъ внѣшней политики, Лучшей иллюстраціей этого „*моноидеизма*“ является отношеніе Маркса къ Пальмерстону. Этотъ человекъ, который, подготавливая крымскую кампанію, говорилъ, что хочетъ Россію „*souffleter pour toute la vie*“, этотъ человекъ, котораго вульгарная русская пѣсенка увѣковѣчила въ строкахъ—„*вогъ, въ воинственномъ азартѣ, воевода Пальмерстонъ поражаетъ Русь на картѣ указательнымъ перстомъ*“—этотъ самый человекъ вызвалъ въ Марксѣ упорное, живучее, ничѣмъ не истребимое подозрѣніе, что онъ—тайный, купленный агентъ Россіи! Его морская демонстрація противъ Россіи передъ крымской кампаніей вызвала въ Марксѣ тревогу, что это—коварно-предательскій способъ отрѣзать Азіатскую Турцію отъ Европейской! Самая война въ Крыму съ англійской стороны ему снова и снова казалось притворной и намѣренно-затягиваемой—а „*преждевременный*“ миръ едва-ли не болѣе сильнымъ ударомъ по Турціи, чѣмъ по Россіи! Всѣ усердныя попытки Лассаля убѣдить его въ абсурдности такихъ предположеній остаются безъ результата; онъ роется въ архивныхъ матеріалахъ, въ Британскомъ Музеѣ и другихъ книгохранилищахъ, упорно разыскивая въ сѣдой старинѣ „*прецеденты*“ подобныхъ подкуповъ дипломатіи и макиавелическаго саботированія подкупленными войнъ противъ своихъ „*патроновъ*“. Нечего и говорить, что ни Мерингъ, комментаторъ писемъ Лассаля, ни Бебель и Бернштейнъ, комментаторы переписки Маркса и Энгельса, ни Гайндманъ, комментаторъ новаго изданія Марксовскаго памфлера противъ Пальмерстона, не считаютъ болѣе возможнымъ поддерживать такое незащитимое предположеніе. Марксъ въ данномъ случаѣ былъ жертвой своего сосредоточеннаго „*антипанславизма*“,—столь требовательнаго, что для него никакіе удары по внѣшней силѣ и международному положенію Россіи не могли быть достаточными,—всѣ оказывались слишкомъ слабыми, блѣдными, ничтожными...

Понятно однако, что по мѣрѣ роста внутри самой Россіи общественнаго и народнаго движенія, подкапывавшагося и подъ ея роль, какъ внѣшняго, международнаго оплота реакціи,—долженъ былъ смягчаться и антиславянскій фанатизмъ первоучителей „*научнаго социализма*“. Ихъ отношеніе къ славянскому вопросу становятся гораздо болѣе спокойнымъ. Однакоже общая оріентація остается прежней. Съ этой точки зрѣнія необыкновенно характерно одно изъ позднѣйшихъ писемъ Энгельса къ Эдуарду Бернштейну.

„Неудивительно, что письмо мое васъ не переубѣдило; вы уже прониклись симпатіями къ „*угнетеннымъ*“ славянамъ. Всѣ мы первоначально, проходя черезъ стадію либерализма и демократизма, принесли съ собою эти симпатіи ко всѣмъ „*угнетеннымъ*“ національностямъ; и я знаю, какого труда—и въ смыслѣ времени, и въ смыслѣ изученія—стоило мнѣ отъ нихъ, наконецъ, отрѣшиться,—

за то ужь основательно... Наше дѣло—быть сотрудниками въ освободительной борьбѣ западно-европейскаго (курсивъ нашъ) пролетаріата и этой цѣли подчинять всѣ остальные. И какъ бы ни были для насъ интересны балканскіе славяне и т. п. народности, но, какъ скоро ихъ тяга къ освобожденію вступаетъ въ коллизію съ интересами пролетаріата,—Богъ съ ними. Эльзасцы вѣдь тоже угнетены... Однако, если наканунѣ явно наступающей революціи они захотятъ вызвать войну между Франціей и Германіей, разжечь снова вражду между двумя этими народами и такимъ образомъ отсрочить наступленіе революціи, то я говорю: стопъ! Вы можете вооружиться по крайней мѣрѣ настолько же терпѣніемъ, насколько имъ вооружился европейскій пролетаріатъ. Освободится онъ — и вы будете свободны; а до тѣхъ поръ мы не можемъ потерпѣть, чтобы вы давали „отбой“ борющемуся пролетаріату. Такъ же точно и со славянами: побѣда пролетаріата освобождаетъ ихъ дѣйствительно и необходимо, а не временно и фиктивно, какъ царизмъ. И вотъ почему они — они, которые доселѣ еще ничего отъ себя не вложили въ прогрессъ Европы, а всегда были колодками для него, — должны проявить по меньшей мѣрѣ столько же терпѣнія, какъ наши пролетаріи... Они были и остаются прислужниками царизма, а въ политикѣ нѣтъ мѣста поэтическимъ симпатіямъ. И если изъ возстанія этихъ ребятъ грозитъ вспыхнуть міровой военный пожаръ, который можетъ испортить всю нашу революціонную ситуацію, — то и сами они, и ихъ право на свою скотскую долю въ добычѣ (*ihre Recht auf Viehraub*) должны быть безъ всякаго милосердія принесены въ жертву интересамъ европейскаго пролетаріата. Изъ-за пары какихъ-нибудь герцеговинцевъ затѣять міровой пожаръ, который будетъ стоить въ тысячу разъ больше человѣческихъ жертвъ, чѣмъ сколько живетъ людей во всей Герцеговинѣ, — нѣтъ, не въ этомъ, на мой взглядъ, можетъ состоять политика пролетаріата!“

Резоны Энгельса, несомнѣнно, весьма серьезны, и отъ нихъ нельзя отмахнуться дешевой полемикой. Въ нихъ есть свое зерно истины. Но чтобы это зерно дало плодъ, нужны опредѣленные условія. Каковы же они?

Прежде всего надо замѣтить, что самъ пролетаріатъ вовсе не покоряется рѣшительно всему въ ожиданіи мистическаго „часа“ конечнаго полнаго освобожденія. Силу „терпѣть и ждать“ ему даетъ нѣчто весьма ощутительное: возможность и до полнаго освобожденія все время *частично улучшать* свое положеніе. И когда Энгельсъ требуетъ по примѣру пролетаріата извѣстной сдержанности и терпѣнія и отъ угнетенныхъ національностей, то должно быть налицо и „великое подразумеваемое“ такого „терпѣнія“: *возможность хотя бы постепеннаго частичнаго облегченія участи покоренныхъ въ предѣлахъ государства-покорителя.*

Но какъ только это признано, — такъ сейчасъ же значительная доля правдоученій Энгельса „угнетеннымъ народностямъ“ теряетъ

raison d'être. Да развѣ угнетенныя народности въ своей массѣ до такой ужь степени требовательны и нетерпѣливы? Я не говорю конечно, о единицахъ или о малочисленныхъ кучкахъ фанатиковъ и маньяковъ національной идеи (оборонительный или „здоровый“ націонализмъ можетъ такъ же порождать своихъ маньяковъ, моноидеистовъ съ шорами на глазахъ, какъ и націонализмъ агрессивный или „нездоровый“) — они могутъ быть какъ угодно нервны и какъ угодно политически-истеричны. Но *масса* угнетеннаго народа — какъ и *масса* угнетеннаго класса — если чѣмъ обычно и грѣшитъ, то лишь поистинѣ невѣроятнымъ долготерпѣніемъ. И потому читать ей еще въ этомъ духѣ дешевую мораль не значитъ ли грубо и безтактно стучаться въ открытую настежь дверь? Развѣ недавно, на нашихъ глазахъ, въ разгаръ младотурецкой революціи, не прекратились волненія въ Македоніи, не разоружились четники, не братались македонцы (а въ Арменіи армяне) съ турками? Развѣ перспектива административныхъ реформъ въ Эльзасѣ и дарованія ему самоуправленія не создала тамъ немедленно сильнаго теченія въ пользу *примирительной позиціи* этой провинціи между Франціей и Германіей? Развѣ событія 1905 г. въ Россіи не явились лучшимъ аргументомъ противъ немедленныхъ государственно-сепаратистскихъ теченій въ русской Польшѣ? Угнетенныя народности и провинціи — особенно тамъ, гдѣ онѣ могутъ быть яблокомъ раздора между двумя государствами, — уже по одному тому вынуждаются къ политической сдержанности, что этимъ провинціямъ прежде всего и больше всего приходится быть той ареной, по которой будетъ шествовать „конь блѣдъ“ ужасной, опустошительной войны. Нѣтъ, не съ легкимъ сердцемъ, и лишь при отсутствіи другихъ перспективъ страданія „угнетенныхъ народностей“ двигаютъ ихъ массы на открытое возстаніе! И тотъ, кто этого не понимаетъ, тотъ, кто начинаетъ сердито брюзжать на нетерпѣливость „угнетенныхъ“, — тотълишній разъ иллюстрируетъ своимъ примѣромъ справедливость пословицы — „сытый голоднаго не разумѣетъ“. Не разумѣетъ, что бываютъ положенія, при которыхъ масса населенія властно проникается психологіей „героизма отчаянія“, психологіей, которая говоритъ: „хочь гірше, та інше!“.

Но тѣмъ самымъ вопросъ переносится въ совершенно иную плоскость. О, да, и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобы „политика пролетаріата“ состояла въ донкихотскомъ переворачиваніи вверхъ ногами всего міра и разжиганія бойни, обходящейся въ милліоны жизней, ради небольшой этнографической кучки. Средства надо соображать съ цѣлью, цѣну объекта домогательства съ „издержками производства“. Но вѣдь вовсе не отъ пролетаріата зависитъ, „быть или не быть“ возстанію македонцевъ, или армянъ, или ирландцевъ, или арабовъ, или индусовъ. Съ такими возстаніями пролетаріату приходится считаться совершенно такъ же, какъ со стихійными явленіями по собственнымъ законамъ дѣйствующей природы. Но

они спутывают карты политической игры, они осложняют достижение пролетариатом своих целей. Да, осложняют! Но брюзжаньем здесь не поможешь. От сложности жизни не отмахнешься. Нечувствительностью къ страданіямъ угнетенной народности не поможешь чистотѣ и кристальной ясности постановки задачи пролетарскаго дѣла. Напротивъ, этимъ можно лишь столкнуться лбами законные интересы пролетариата съ не менѣе законными интересами угнетеннаго народа. И тогда окажется, что только на бумагѣ, только въ теоріи дѣло освобожденія труда есть въ то же время дѣло „всего человѣчества“, что только на бумагѣ рабочий классъ есть авангардъ всѣхъ страдающихъ и угнетенныхъ. Пролетариатъ, да еще суженный Энгельсомъ до размѣровъ ограниченно локальныхъ—„западноевропейскій пролетариатъ“—думающій о себѣ, а всѣхъ остальныхъ отсылающій ждать „второго пришествія“ конечной соціальной революціи—въ этомъ случаѣ были бы лишь новымъ, только болѣе обширнымъ, привилегированнымъ классомъ человѣчества, вся политическая мудрость котораго исчерпывается утробнымъ возгласомъ: „мнѣ первому, а вамъ—потомъ“.

При такой постановкѣ социализмъ сталъ бы одностороннимъ, исключительно-пролетарскимъ социализмомъ. При такой постановкѣ социализмъ просто старался бы перепрыгнуть черезъ національный вопросъ—слишкомъ часто при этихъ сальтомортале ломая ноги и рискуя свернуть себѣ шею. При такой постановкѣ социализмъ не имѣлъ бы своей „національной программы“, какъ программы дѣйствій *нынѣшняго дня*.

Бѣдою Маркса и Энгельса было то, что ихъ міросозерцаніе и въ самомъ дѣлѣ складывалось крайне неблагоприятно для выработки такой программы. Вотъ почему впоследствии потребовалось и возникло въ Австріи цѣлое идейное теченіе, получившее имя „національнаго ревизионизма“, съ Отто Бауэромъ, Гильфердингомъ и др. во главѣ,—теченіе, пошедшее на встрѣчу зародившимся впервые среди *югославянскихъ* социалистовъ идеямъ о *федеративномъ* переустройствѣ Австріи, дополненномъ институтами такъ называемой „персональной“ или культурной автономіи.

Марксъ и Энгельсъ по всѣмъ своимъ тенденціямъ были *централизаторами*. Къ *федеративному* принципу у нихъ была явно выраженная идіосинкразія. Въ этомъ смыслѣ они просто не могли встать выше исключительныхъ, своеобразныхъ условій своего мѣста и времени. Германія, съ ея „тридцатью шестью отечествами“, менѣе всего располагала революціонеровъ къ федерализму, но породила въ нихъ, естественно, страстную и напряженную *унитарную* тенденцію. Практически возможный въ Германіи федерализмъ, идя по линіи наименьшаго сопротивленія, принималъ уродливую, извращенную форму—санкціи нелѣпаго *партикуляризма*, или, по крайней мѣрѣ, *примиренчества* съ нимъ, попытки сдѣлать изъ него исходную точку нормальнаго развитія. Въ програм-

махъ тогдашнихъ демократовъ—указываетъ Мерингъ — „Новая Рейнская Газета“ подчеркивала, „какъ общій у нихъ основной недостатокъ, требованіе сдѣлать изъ Германіи федеративную республику“ ¹⁾. Въ противоположность имъ, они говорили, что „въ Германіи борьба централизаціи съ федеративными началами есть борьба между современной культурой и феодализмомъ“ ²⁾. Въ другихъ мѣстахъ, какъ Австрія, они боялись, что федерація будетъ торжествомъ „локальной ограниченности“, и въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ торжествомъ „омужиченія“. Въ своей перепискѣ съ Энгельсомъ Марксъ побуждаетъ его: „Пиши также противъ федеративной республики, къ чему самый лучший поводъ даетъ Швейцарія“ ³⁾. Борьба противъ *известной формы* федерализма незамѣтно переходитъ въ борьбу противъ самаго принципа федераціи. И, наконецъ, дѣло завершается свойственнымъ марксизму „пріятіемъ капитализма“, готовностью „пойти на выучку“ ко всему, что онъ съ собою несетъ; а капиталистическій индустриализмъ, несомнѣнно, связанъ съ централизаторскими поползновеніями.

Вотъ почему не приходится изумляться, когда Энгельсъ, „доказавъ“ историческую необходимость созданія въ Европѣ, на порогѣ новаго времени, великихъ монархій, подчинявшихъ себѣ мелкія національности, говоритъ:

„Теперь же, вслѣдствіе могучаго прогресса индустріи, торговли, путей сообщенія, политическая централизація сдѣлалась еще болѣе насущной необходимостью, чѣмъ тогда, въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ. Что еще осталось централизовать—централизуется. И вотъ теперь являются панслависты и требуютъ, чтобы мы дали свободу, чтобы мы „выпустили на волю“ этихъ полугерманизированныхъ славянъ, чтобы мы отказались отъ той централизаціи, которая была внѣдрена въ славянъ силою ихъ собственныхъ матеріальныхъ интересовъ!“.

Чтобы не помѣшать интересамъ пролетаріата, отрицается удовлетвореніе національныхъ потребностей путемъ перекройки государственныхъ границъ. Чтобы не столкнуться съ тенденціями капиталистическаго индустриализма, отрицается удовлетвореніе національныхъ интересовъ путемъ ослабленія государственной централизаціи. Марксизмъ и національный вопросъ вступаютъ въ безысходную коллизію. Искренній и страстный интернаціонализмъ Маркса и Энгельса становится фатально интернаціонализмомъ одностороннимъ, одностороннимъ—„интернаціонализмомъ на ущербъ“.

¹⁾ Nachlass, III, s. 9.

²⁾ Ibid., s. 94.

³⁾ Briefwechsel, B. I, s. 100.

УШ.

Мы естественно подошли къ послѣднему, заключительному источнику „анти-славянства“ Маркса и Энгельса. Этотъ источникъ—односторонній характеръ всей ихъ соціалистической концепціи.

Соціализмъ Маркса и Энгельса есть соціализмъ *индустріальнаго пролетаріата*. Это—однбокій *индустріальный соціализмъ*.

Мерингъ характеризовалъ иностранную политику Маркса и Энгельса указаніемъ на то, что они преимущественно были съ крупными національностями противъ мелкихъ, съ передовыми противъ отсталыхъ. Но это и значило, что въ столкновеніи интересовъ индустріально-капиталистическихъ націй съ земледѣльческими они были за первыхъ противъ вторыхъ.

Въ буржуазномъ строѣ индустрія стремится подчинить себѣ земледѣліе. Это сказывается въ области международныхъ отношеній тѣмъ, что индустріальныя націи стремятся подчинить себѣ аграрныя области и земледѣльческія народности. Но вѣдь это стремленіе представляетъ собою съ самаго начала ничто иное, какъ зародышъ или, если угодно, далекій прообразъ современнаго *имперіализма*. И вотъ, во всѣхъ первыхъ писаніяхъ Маркса и Энгельса неудержимо вкралось роковое „пріятіе“ такого первичнаго имперіализма, съ его политикой великодержавности, централизаціи, національнаго ассимиляторства.

„Въ Венгріи мадьяры вели ту же борьбу, что нѣмцы въ нѣмецкой Австріи. Закинутый среди славянскихъ варваровъ нѣмецкій клинъ въ Австріи и Штейермаркѣ протянулъ руку такому же закинутому среди славянскихъ варваровъ мадьярскому клину на Лейтѣ. Подобно тому, какъ нѣмецкое дворянство подчиняло себѣ, германизировало и тѣмъ самымъ вовлекало въ европейское движеніе славянскія племена на югѣ и сѣверѣ, въ Богеміи, Моравіи, Каринтіи и Краинѣ,—подобнымъ же образомъ покоряло ихъ себѣ на югѣ и сѣверѣ, въ прикарпатскихъ земляхъ, Кроаціи и Славоніи дворянство мадьярское“.

Наслѣдницей цивилизаторской миссіи дворянства явилась буржуазія.

„Ростущій классъ, носитель движенія, бюргерство, было повсюду нѣмецкимъ или мадьярскимъ. Лишь съ трудомъ смогли славяне—а югославянамъ удалось это только совершенно частично—доработаться до собственнаго, національнаго бюргерства. А вмѣстѣ съ бюргерствомъ въ рукахъ нѣмцевъ и мадьяръ оказалась и индустріальная сила, капиталъ; развилось нѣмецкое образованіе; славяне и въ интеллектуальномъ отношеніи подпали подъ владычество нѣмцевъ... То же, лишь нѣсколько поздне и потому въ меньшей мѣрѣ, произошло въ Венгріи, и интеллектуальную и

индустриальную руководящую роль наряду съ нѣмцами взяли на себя мадьяры“.

Но вѣдь если такъ, то славяне оказываются необходимыми аграрными придатками къ австро-мадьярскому зданію капиталистической индустриі и всякое ихъ стремленіе къ самостоятельности можетъ быть угрозой всему этому зданію. Это яснѣе всего будетъ видно, если мы будемъ мыслить такую самостоятельность, какъ законченную политическую, государственную самостоятельность:

„Словенцы и кроаты отдѣляютъ Германію и Венгрію отъ Адриатическаго моря; но Германія и Венгрія не могутъ допустить, чтобы ихъ отрѣзали отъ Адриатическаго моря изъ географическихъ и коммерческихъ нуждъ, которыя, можетъ быть, ничего не значатъ для Бакунина и его славянскихъ друзей, но которыя, тѣмъ не менѣе, суть реальности, и для Германіи съ Венгріей являются такими же вопросами жизни, какъ для Польши побережье отъ Данцига до Риги. А гдѣ дѣло идетъ о самомъ существованіи, о свободномъ развитіи всѣхъ ресурсовъ великихъ націй, тамъ никакого рѣшающаго значенія не могутъ имѣть такія сентиментальности, какъ оглядка на судьбу кучки разсѣянныхъ славянъ или нѣмцевъ!“

„Въ самомъ дѣлѣ, нечего сказать, необыкновенно пріятно было бы положеніе нѣмцевъ и мадьяръ, еслибы австрійскіе славяне добились своихъ такъ называемыхъ „правъ“. Между Силезіей и Австріей—врѣзавшееся клиномъ богемско-моравское государство, Австрія и Штейермаркъ—отрѣзанные „югославянской республикой“ отъ своего естественнаго выхода къ Адриатическому и Средиземному морямъ, востокъ Германіи раскромсанъ, какъ обглоданный крысами хлѣбъ! И все это—въ благодарность за то, что нѣмцы дали себѣ трудъ цивилизовать упрямыхъ чеховъ и словенцевъ, ввести у нихъ торговлю, индустрію, доходное сельское хозяйство и образованіе!“¹⁾

Разсужденіе, не лишенное логики. Ясно лишь, что оно ведется съ какой угодно точки зрѣнія: съ точки зрѣнія національнаго германо-мадьярскаго капитализма, съ точки зрѣнія современной классовой государственности, съ точки зрѣнія ея великодержавныхъ интересовъ,—но только не съ точки зрѣнія классоваго, интернаціональнаго социализма.

Ибо еслибы это была чисто-соціалистическая аргументація, то въ чемъ ея различіе отъ аргументаціи империалистической?

Что такое империализмъ? Каутскій опредѣляетъ его, какъ стремленіе индустриальной страны или націи обезпечить себя политическимъ подчиненіемъ входящихъ въ сферу ея экономическаго вліянія аграрныхъ, земледѣльческихъ странъ и областей,

1) См. Nachlass, III, ss. 234, 238, 255.

независимо отъ того, какими національностями онъ населены. Это подчиненіе торжественно облачается въ тогу „преимущественнаго права высшей культуры надъ низшей“.

И, когда Фридрихъ Энгельсъ стремится высмѣять интернаціонализмъ Бакунина, выразившаго въковую, завѣтную идею нашего социализма—идею федеративнаго переустройства исторически сложившихся государствъ-левіафановъ внутри, идею федерированія между собою вынѣшнихъ государствъ во внѣ, идею федеративной общечеловѣческой коопераціи равноправныхъ народностей, автономному культурному развитію которыхъ должны быть обеспечены гибкія и свободныя политическія формы,—онъ, противъ собственной воли, попадаетъ въ избитую, торную колею тѣхъ самыхъ разсужденій, которыя, въ своей наиболѣе логически-последовательной формѣ, представляютъ типически-имперіалистскую аргументацію.

„Соединенные Штаты и Мексика—двѣ республики. Въ обѣихъ народъ суверененъ. Какъ же произошло, что между обѣими этими республиками, которыя, согласно моральной теоріи, должны бы были брататься и федерироваться, произошла война изъ-за Техаса? Какъ произошло, что „суверенная воля“ американскаго народа, опираясь на мужество американскихъ волонтеровъ, перенесла природою проведенныя границы ради „географическихъ, коммерческихъ и стратегическихъ надобностей“ на сотню миль далѣе къ югу? Или Бакунинъ пошлетъ американцамъ упрекъ въ „завоевательной войнѣ“, которая, правда, наноситъ жестокой ударъ его на „справедливости и человѣчности“ основанной теоріи, но за то велась единственно и исключительно въ интересахъ цивилизаціи? Или есть какое-нибудь несчастье въ томъ, что чудесная Калифорнія вырвана изъ рукъ лѣнтяевъ мексиканцевъ, которые не знали, что съ нею дѣлать? Въ томъ, что энергичные янки, благодаря быстрой эксплуатаціи тамошнихъ золотыхъ россыпей, успѣли развить пути сообщенія, въ нѣсколько лѣтъ сконцентрировали въ прибрежныхъ пустыняхъ Тихаго океана густое населеніе, построили большіе города, открыли пароходное сообщеніе, провели желѣзную дорогу отъ Нью-Йорка до Франциско, впервые открыли Тихій океанъ для цивилизаціи и въ третій разъ въ исторіи готовятся дать новое направленіе всемірной торговлѣ? „Независимость“ какихъ-нибудь испанскихъ калифорнійцевъ и тхасцевъ отъ этого, можетъ быть, и страдаетъ, „справедливость“ и прочія моральныя категоріи могутъ тамъ или здѣсь терпѣть ущербъ,—но что все это передъ лицомъ подобныхъ всемірно-историческихъ событій?“ 1).

Все это въ своемъ родѣ чрезвычайно цѣльно и последовательно. Но развѣ на этомъ можно остановиться? Развѣ это—не готовая аргументація для итальянскихъ имперіалистовъ по отношенію къ

2) Nachlass, III, s. 250.

Триколитаніи, французскихъ въ Марокко, нѣмецкихъ въ Африкѣ? Развѣ она не оправдываетъ всей имперіалистической политики современной буржуазіи? И развѣ случайность—тотъ фактъ, что новоявленные социаль-имперіалисты въ Германіи усерднѣе, чѣмъ когда-либо, нынѣ готовы вѣстаться именами Маркса и Энгельса, съ торжествомъ выкликая изъ ихъ писаній многочисленныя цитаты въ духѣ только что приведенной? „Перенесеніе миль на сто“ границы государства „изъ географическихъ, коммерческихъ и стратегическихъ соображеній“, на зло всѣмъ этимъ смѣшнымъ „справедливостямъ, гуманностямъ и независимостямъ“, оправдываемое съ социалистической точки зрѣнія,—да чего же еще и желать нашимъ современнымъ „аннексіонистамъ“?

„Великая нація“ не можетъ позволить „малой“ себя „отрѣзать“ отъ необходимыхъ для нея историческихъ „путей“! Но вѣдь какъ разъ во имя этого Германія требуетъ себѣ свободнаго прохода черезъ Салоники и Константинополь на Багдадъ и въ Персидскій заливъ; мы, наперерѣвъ ей и въ подражаніе ей, требуемъ, какъ „ключей отъ нашего дома“, Константинополя и проливовъ для выхода черезъ Эгейское море въ Средиземное; Англія—сплошного пути черезъ германскія колоніи отъ Каира въ Капштадтъ и такого же сплошного—отъ Суэца черезъ Аравію и южную Месопотамію къ Индіи; Франція на томъ же основаніи не такъ давно пыталась наперерѣвъ англичанамъ выйти черезъ знаменитую Фашоду изъ восточной Африки на берега Краснаго моря,—развѣ это не освященіе всеобщаго прямого, явнаго и равнаго лозунга: на шарашь!

Но вѣдь этотъ лозунгъ связанъ съ перспективами „войны всѣхъ противъ всѣхъ“, цѣлаго длиннаго періода имперіалистическихъ войнъ, послѣ каждой изъ которыхъ возможна новая перегруппировка державъ для новой войны! Вѣдь это грозитъ ужасной перспективой поистинѣ обезкровленія, истеченія кровью передравагося человечества? Но и здѣсь приходятъ на помощь уже памятные намъ реплики Энгельса: „Но безъ насилія и безъ желѣзной способности дѣйствовать, не взирая ни на что, въ исторіи не совершалось ничего новаго; и еслибы Наполеонъ, Цезарь и Александръ Македонскій обладали тѣмъ мягкосердечіемъ, котораго требуетъ панславизмъ для своихъ обреченныхъ исторіей на гибель фаворитовъ, что бы вышло изъ исторіи?“.

Опираясь на эти и подобныя мѣста въ писаніяхъ Энгельса и Маркса, современные нѣмецкіе социаль-шовинисты торжествуютъ. Они, видите-ли, а не кто-либо иной—истинные интернаціоналисты и наслѣдники Маркса! Пріятіе капитализма — чисто марксистская идея, а изъ нея вытекаетъ—пріятіе (условное и временное, но все же пріятіе!) и современнаго имперіализма, и современной войны...

„По Марксу,—пишетъ одинъ изъ видныхъ нѣмецкихъ социаль-патріотовъ. Пауль Камифмейеръ,—междунаціональная борьба есть

лишь одна изъ сторонъ великой міродвижущей классовой борьбы“. Устрояющій разумъ въ исторіи, гласитъ экономическій матеріализмъ, въ исторіи постоянно пасуетъ передъ подсознательными и безсознательными влеченіями. И вотъ, „въ виду безсилія устрояющаго разума, война все еще представляется необходимостью“, она „есть не только необходимый факторъ, но, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, благопріятствующій общественному развитію и ускоряющій его факторъ“¹⁾. А еще болѣе смѣлый и рѣшительный патриотъ изъ лѣвыхъ марксистовъ-ортодоксовъ, Лентшъ, восклицаетъ: „Война—локомотивъ исторіи!“

Не они одни, но и всѣ современные нѣмецко-австрійскіе соціалъ-шовинисты, радостно провозглашающіе, что въ войнѣ противъ Россіи теперь „впервые рождается въ полномъ смыслѣ этого слова великая нѣмецкая нація, сливающая Германію съ Австріей“—съ необыкновенной охотой вспоминаютъ слова Маркса, что „нѣмецкое единство и нѣмецкая демократія могутъ проистечь, лишь какъ продуктъ движенія, въ которомъ будутъ играть рѣшающую роль столь же внутренніе конфликты, какъ и война съ Востокомъ“, и что „только война съ Россіей будетъ истинно-революціонной войной Германіи“. И, если возможно, съ еще большимъ удовольствіемъ вспоминаютъ они слова Энгельса: „если русскіе и французы нападутъ на насъ одновременно—тогда *vive la guerre!* Да здравствуетъ война!“

Злоупотребленіе великими именами Маркса и Энгельса!—воскликнетъ читатель. Конечно, злоупотребленіе. Мы уже видѣли, какъ использовать войну хотѣли они, какъ они связывали ее съ революціонными задачами *внутри* Германіи. Ясно, что проповѣдники гражданскаго мира не столь охотно станутъ цитировать относящіяся сюда мѣста изъ писаній Энгельса, какъ иныя, имъ болѣе любезныя. Однакоже нельзя не видѣть, что Марксъ и Энгельсъ не гарантировали себя отъ этихъ злоупотребленій. Въ ихъ міро-озерцаніи были элементы, которые при дальнѣйшемъ логическомъ развитіи вели по наклонной плоскости къ грѣхопадению,—правда, значительно *иному*, чѣмъ у ихъ выродившихся потомковъ, но все же грѣхопадению.

Марксъ и Энгельсъ, конечно, не были тайными „нѣмецкими шовинистами“, нарядившимися въ „интернаціоналистовъ“, чтобы вести, куда имъ надо, простаковъ изъ соціалистическаго лагеря другихъ странъ,—какъ это нынѣ громогласно заявляютъ Ласкины и подобные ему ренегаты социализма. Ихъ „шовинизмъ“ былъ не германскимъ, а „революціоннымъ шовинизмомъ“, прилѣпившимся къ традиціямъ якобинства великой французской революціи. „Руководящимъ принципомъ, опредѣлявшимъ въ качествѣ высшей пу-

¹⁾ Paul Kampfmeyer, „Nationenkampf und Klassenfortschritt“, „Sozialistische Monatshefte“, 1915, VII, s. 339.

теводной звѣзды политику Маркса и Энгельса“, — справедливо замѣтилъ недавно Эдуардъ Бернштейнъ, — „было сообразованіе съ интересами революціи пролетаріата въ передовыхъ странахъ Европы. Дѣло шло о томъ, чтобы создать для этой революціи возможно благоприятнѣйшія условія и, слѣдовательно, вырвать все что могло оказаться препятствіемъ на ея пути“. Отсюда и положительное ихъ отношеніе къ національнымъ правамъ и требованіямъ только тамъ и только тогда, гдѣ и когда „національное совпадало съ революціоннымъ“ 1).

Но ихъ социализмъ — увы! — былъ одностороннимъ *индустриальнымъ социализмомъ*. Иными словами, вся ихъ концепція социализма была глубоко „индустриоцентрична“. Отсюда исключительность ихъ пролетарской точки зрѣнія. Отсюда ихъ „пріятіе капитализма“. Отсюда, при столкновеніи интересовъ индустриальныхъ странъ и націй съ аграрными, земледѣльческими, отстаиваніе супрематіи первыхъ надъ вторыми. Отсюда невѣріе въ будущность земледѣльческихъ народовъ, непризнаніе ихъ національныхъ правъ, требованіе ихъ подчиненія и скорѣйшей ассимиляціи господствующими, коммерчески развитыми народностями. Отсюда ревнивая боязнь — какъ бы движеніе этихъ мелкихъ народностей во имя своей эмансипаціи не повредило, не усложнило дѣла „избраннаго народа“ социализма — пролетаріата странъ индустриальныхъ.

Отсюда же — изъ индустриоцентричности ихъ социализма, изъ оптимистической переоцѣнки преобразующей, творческой роли капитала и мощи создаваемого имъ пролетаріата — проистекало ихъ стремленіе перескочить вообще черезъ національный вопросъ, — ибо еслибы торжество социализма было такъ близко, къ чему ломать голову о немедленной практической программѣ социалистической партіи въ національномъ вопросѣ? Къ тому же индустриально-развитыя націи, начиная со средины прошлаго вѣка, одна за другой заканчиваютъ дѣло своего національнаго объединенія. Но вѣдь эти индустриально-развитыя націи и являются для Маркса исторически-революціонными, а отсталыя земледѣльческія и полужемледѣльческія — контръ-революціонными. Значить, законныя національныя тенденціи удовлетворяются; оставшіяся неудовлетворенными объявляются незаконными. И вотъ, съ помощью якобинской традиціи, мы приходимъ къ проповѣди всемірной войны революціонныхъ народовъ противъ контръ-революціонныхъ, мы грозимъ цѣлымъ контръ-революціоннымъ народамъ массовымъ терроромъ и уничтоженіемъ. На службу революціи мы хотимъ поставить національное чувство, патріотическую экзальтацію передовыхъ націй. Но онѣ оказываются неготовыми къ социализму, а торжеств

1) E. Bernstein, „Fr. Engels und die deutsch-französische Frage“, „Die Neue Zeit“, № 23 (12 märz. 1915), s. 711.

ихъ надъ земледѣльческими народами—торжествомъ буржуазнаго имперіализма.

Все остальное — простое логическое слѣдствіе. Получившійся изъ односторонняго индустріальнаго социализма, односторонній, ущерблен- ный интернаціонализмъ открываетъ настежь двери подсознатель- нымъ пережиткамъ національныхъ предубѣжденій, симпатій и ан- типатій, „притяженій“ и „отталкиваній“. Этотъ незаконный пси- хологическій „національный субъективизмъ“, далеко еще не исче- вающій отъ того, что головнымъ путемъ приняты и выработаны абстрактные интернаціоналистическіе принципы, оказывается тѣмъ сильнѣе, что ускользаетъ отъ контроля разума, проникая контра- банднымъ путемъ сквозь бреши теоріи.

Теорія Маркса была интернаціоналистическою по замыслу. Но ея интернаціонализмъ остался неполнымъ, незавершеннымъ. Въ теоріи оказались элементы, самымъ чувствительнымъ образомъ этотъ интернаціонализмъ ограничившія. Интернаціоналистическая десница — и тянущая къ націоналистическому грѣхонаденію шуйца! Не разъ въ исторіи марксистской социаль-демократіи онѣ вступаютъ между собою въ глухую борьбу, вызываютъ ту вѣчную разногласицу, которую Каутскій даже призналъ какъ бы „зако- номъ природы“ въ иностранной политикѣ социализма. И, наконецъ, въ нынѣшней всемірной военной катастрофѣ „десница“ и „шуйца“ разрываютъ другъ съ другомъ. Социализмъ раскалывается. И каж- дая изъ расколовшихся его частей находитъ „свое“ въ идейномъ наслѣдствѣ марксизма. И совершенно законно. Каждая должна бу- деть пересмотрѣть это идейное наслѣдство со своей точки зрѣнія. Каждой будетъ что въ немъ взять, — но и каждой будетъ что вы- бросить. Интернаціонализмъ, существовавшій доселѣ, — еще не ин- тернаціонализмъ. Истинный интернаціонализмъ не позади, а впе- реди насъ, — не въ прошломъ, а въ будущемъ...